

Л. Одинцова

Я считаю

ворон



Л. Одицова

Я сучмаю ворон



ISBN 978-5-91921-836-4



9 785919 218364

ЭЛС

Людмила Одинцова

Я считаю ворон

Две истории
из жизни птиц и людей



Художник АЛИНА СКАНЦЕВА

Москва
ЭНАС-КНИГА
2020

УДК 82-053.2
ББК 84(2)
О-42

Одинцова, Л.

О-42 Я считаю ворон. Две истории из жизни птиц и людей / Людмила Одинцова ; худож. Алина Сканцева. – М. : ЭНАС-КНИГА, 2020. – 112 с. : ил. – (Мы соседи по планете).

ISBN 978-5-91921-836-4

В этой книге собраны две правдивые истории о взаимоотношениях диких птиц и людей. В самом обыкновенном городе, на асфальтированных улицах, между каменных домов обитает множество удивительных живых существ. Нужно только внимательнее смотреть...

Стрижонок выпал из гнезда. К счастью, он попал в добрые человеческие руки. Вырастить такого птенца очень трудно, но если за дело возьмутся неравнодушные люди, у него есть шанс однажды подняться в небо.

Вороны Кра и Мартина – старые приятели Юли. Каждый день, отправляясь в школу, она наблюдает за ними, подкармливает и беседует. Однажды у ворон появляются птенцы, и Юля совсем теряет голову – ей совершенно некогда заниматься учёбой...

Для младшего и среднего школьного возраста.

УДК 82-053.2
ББК 84(2)

ISBN 978-5-91921-836-4

© Л. Одинцова. Текст, 2019
© А. Сканцева. Иллюстрации, 2019
© АЭ «ЭНАС-КНИГА», 2019

Стриж по имени Сковородка

*Стрижу по имени Сковородка
посвящается*





Глава 1. Стрижи

В начале мая под крышей старинного шестиэтажного дома на одной из центральных улиц большого города поселилась семья чёрных стрижей. Далеко внизу по дороге ездили машины, по тротуарам туда-сюда ходили люди. Порхали среди веток и проводов суетливые воробьи. По газонам ходили важные вороны и шныряли хитрые кошки. А высоко над головой было только необъятное синее небо, облака и вкусные мошки.

Стрижу и стрижихе исполнилось два года. Они познакомились на зимовке в Африке и вернулись на родину, чтобы обустроить своё первое гнездо. Стриж неспроста выбрал этот старый дом. В таких зданиях под карнизами много щелей и трещин, в которые не могут забраться кошки, крысы или вороны. Конечно, он с удовольствием поселился бы в высокой башне, потому что чёрных стрижей называют ещё башенными стрижами, но никаких башен на этой улице не было.

Стриж нашёл просторную расселину между кирпичами и пригласил свою подружку оценить их будущий дом. Стрижихе понравилось. Вход был такой узкий, что



протиснуться в него можно было с большим трудом. Значит, даже воинственный скворец не сможет туда забраться и приспособить жильё под скворечник. Внутри было темно и сухо. На полу нашлось небольшое углубление, где так удобно разместилось бы гнёздышко.

Стрижиха с задорным свистом вылетела из щели и помчалась искать пушинки для гнезда. Две недели стрижи неутомимо носили в свой домик пух, перья, обрывки ниток, тоненькие травинки и веточки, которые ловили в воздухе. Они аккуратно выстилали ими ямку в полу и приклеивали слюной. Старательная будущая мама даже выщипала и добавила немного собственных покровных пёрышек с живота. Однажды стрижа-папа притащил громадный комок серой собачьей шерсти. Это была большая удача. Теперь даже в непогоду стрижатам будет тепло и уютно.

Вскоре стрижиха снесла два маленьких белых яйца. Высиживали их стрижи-родители по очереди. Первым вылетал на утреннюю охоту папа-стриж. Когда он возвращался, улетала стрижиха. Так по очереди они грели яйца, которые ни на минуту нельзя было оставлять без тепла и присмотра. Стрижи сидели на гнезде, как прикованные, только время от времени приподнимались и разминали затёкшие лапки.

Вечером, когда садилось солнце, будущие родители усаживались на гнездо рядом и нежно перебирали друг другу пёрышки на затылке.

Глава 2. Стрижата

Через десять дней в гнезде уже сидели два лысых розовых птенчика. Красавцем новорождённого стришонка назвать сложно. Круглое пузо, короткие лапки

и большая голова с разинутым клювом, которая мотается на тонкой шее из стороны в сторону, требуя еды. Но стрижам их дети казались самыми прекрасными в мире созданиями.

Пока стрижата были голенькие, в гнезде обязательно сидел кто-то из родителей, чтобы греть птенцов. Папа и мама улетали за едой попеременно. Носились они как угорелые, с раннего утра и до позднего вечера, чтобы прокормить своих первенцев.

Можно сказать, что мошек детям они таскали мешками. Набивали полный зоб, склеивали слюной и такой мешочек мошек скармливали стрижатам по очереди, то одному, то другому. У птенцов были такие большие рты, что родительская голова могла спрятаться там полностью.

Через неделю на тельцах у стрижат появились чёрные трубочки – зачатки будущих перьев. Птенцы стали похожи на маленьких ёжиков. Пёрышки росли очень быстро, и на двадцатый день стрижата превратились в хорошеньких пушистых малышей со строгими и любопытными глазами. Они уже не спали в гнезде целыми днями. Когда родители улетали уже вдвоём, птенцы вытягивали крылышки и чистили перья. Иногда они очень широко открывали рты, будто зевали. Так маленькие стрижата тренировались ловить в полёте мошек.

Ведь стрижи не учат птенцов летать и охотиться, как другие птицы. Стрижата всему учатся сами. И бояться людей, кошек и собак их тоже никто не учит. В своей жизни в небе стрижи никогда не встречаются ни людей, ни кошек, ни собак. Даже хищных птиц стрижи не очень боятся, они могут улететь быстрее и выше любого сокола, за самые облака. А если какого-нибудь летучего хищника решит прогнать це-

лая стрижиная стая, тот будет улепётывать со всех крыльев, потому что у стрижей лапы хоть и короткие, но очень сильные, с большими острыми когтями.

Стрижата были похожи, как братья-близнецы. Они и были братья-близнецы, но тот, который вылупился на день позже, отличался беспокойным характером и чрезмерным любопытством. Он ни секунды не сидел спокойно, как его брат, а постоянно выползал из гнезда и выглядывал в леток посмотреть, что там делается в большом мире.

Это был очень любознательный стрижонок. Он внимательно разглядывал деревья внизу, крыши домов, сверкающие окна и пролетающих мимо птиц. Когда мимо самого его носа неожиданно пролетела большая серая ворона, шурша крыльями, он очень испугался и с громким писком пополз к брату. До позднего вечера он так и просидел в гнезде, никуда не отлучаясь. Хотя передвигаться он уже научился неплохо. У стрижей так устроены коротенькие ножки, что они не умеют ни ходить, ни прыгать, а только ползать и цепляться когтями за отвесные стенки.

Боялся стрижонок недолго. Уже на следующее утро он снова выглядывал из летка, щурясь на яркое летнее солнце. Неугомонный птенец частенько уползал далеко от гнезда, и когда прилетали родители покормить детей, он оставался без обеда и даже немного похудел.

Глава 3. Беда

Самая главная задача маленького стришонка – вырастить крепкие длинные крылья и сохранить перья в идеальной чистоте. Это очень важно. Потому что на слабых крылышках и хрупких грязных пёрышках



птица не может долго летать. Крылья у стрижа должны быть совершенными. Что случится в воздухе с самолётом, у которого кривые ломкие крылья с прорезами в плоскости? Конечно, нормально лететь он не сможет. Развалится в воздухе на кусочки.

А стриж в небе проводит всю жизнь, и если не будет летать, то просто умрёт от голода. Поэтому стрижата, чтобы сходить по своей птичьей нужде, пятились из гнезда как можно дальше, а потом ползли обратно, чтобы не запачкать крылья и хвост в помёте. Вот эта любовь к чистоте и любопытство сыграли с нашим птенцом злую шутку.

Однажды утром стрижонок полез в самый дальний конец расселины пощипать клювом закатившийся туда комок собачьей шерсти. Ему очень нравился этот комок, пушистый, тёплый, он щекотал нос и приятно пах. И тут птенцу срочно понадобилось в туалет. Он стал пятиться, вертя хвостиком. Пятился, пятился и неожиданно почувствовал под ногами пустоту!

В этом старом здании, где жили стрижи, на крыше был застеклённый домик над лестничным пролётом, который назывался «фонарик». Такие фонарики делают для того, чтобы солнце днём освещало ступеньки на лестнице. В него и вывалился наш стрижонок. Он пролетел все шесть этажей, растопырив куцые крылышки, и шлёпнулся на каменную плитку парадного. Удар был сильный. Птенец нахохлился, крепко зажмурил глаза и попытался пересилить боль.

Стрижи не плачут от боли. Это очень терпеливые и выносливые птицы. А маленькие стрижата долго могут терпеть голод и холод, если в непогоду родителям приходится улетать за мошками очень далеко. Тогда птенцы цепенеют, засыпают и могут целую неделю

и даже больше просидеть так, не шелохнувшись, пока не вернутся взрослые с кормом. Но только в своём родном гнезде, а никак не на голой холодной плитке.

Стрижонку было страшно. Он понимал, что попал туда, откуда не возвращаются. Туда, где его не найдут мама и папа, потому что стрижи никогда не опускаются на землю. А даже если вдруг случайно увидят его, то уже ничем не смогут помочь. Стриженок был там, где голод, холод и опасность. Всё это называлось жутким словом «внизу». Бесстрашные стрижи, которых ничем в жизни не испугаешь, больше всего на свете боятся очутиться на земле. Птенец дополз до щели в дверном косяке, откуда пробивался уличный свет, и замер в ужасе.

Глава 4. В новой семье

На третьем этаже дома с фонариком жила человеческая семья, очень похожая на стрижину. Мама, Ирина Пална, папа, Сан Саныч, и два брата-близнеца восьми лет, Сенька и Венька. Братья уже закончили первый класс гимназии номер восемь. Оценки у них были неплохие: у Веньки чуть получше, у Сеньки чуть похуже, но в целом вполне нормальные.

У мальчиков уже начались летние каникулы, они наслаждались заслуженным отдыхом и с нетерпением ждали, когда мама и папа пойдут в отпуск, чтобы всем вместе поехать на море. У Сеньки и Веньки в детской уже давно были сложены в углу маски, нырятельные трубки, специальные тапочки, чтобы заходить в воду по колючей гальке. Ещё там лежал большой пластиковый воздушный змей. Его так здорово запускать в небо на пустынном пляже в ветреную погоду.

Кроме мамы, папы и братьев в квартире ещё жил большой лохматый пёс Бруно породы голландский вольфшпиц, беспородный рыжий кот Кубик и серая декоративная крыса по имени Юзик. Во время отдыха за питомцами собиралась присмотреть бабушка Сеньки и Веньки, которая жила на соседней улице. Из всего этого можно было сделать вывод, что к животным в этой семье все относились хорошо, включая бабушку.

В тот день мама, папа и братья как раз были у неё в гостях. Они возвращались поздно вечером домой. Сан Саныч нёс пакет с двумя банками вишнёвого варенья и тёплыми пирожками с капустой, которые у бабушки получались особенно вкусными. Он открыл дверь в подъезд и запнулся на пороге.

– Осторожно! Тут что-то живое на полу! Вроде мышка.

– Это птичка! – воскликнула, присмотревшись, Ирина Пална. – Воробышек! Слёток*. Слётков лучше не трогать. Вынесем на улицу, посадим на кустик, там его родители кормить будут.

Стрижонок испугался громких звуков, пополз и забился прямо в щель между дверью и косяком.



* Слёток – птенец, уже вылетевший из гнезда, которого кормят и опекают родители.

– Ай, дверь откроется, и его тут же раздавит! – закричала Ирина Пална и подняла птичку.

– Это не воробышек, – сказал Сан Саныч. – На маленького сокола похож. Посмотри, какой хищный клюв. Никто его тут не будет кормить. Тем более на ночь глядя.

Выбора не было, стрижек понесли домой. Он сидел в тёплой человеческой руке и боялся шелохнуться, не зная, что с ним будет дальше.

Дома птенца посадили на диван. К нему тут же рванулся Бруно. Он решил, что ему принесли новую игрушку. Пса немедленно отогнали, но тот успел ткнуться носом в птичку. Стрижик почуял знакомый запах. Так вот чей комоч шерсти грел их с братом в гнезде! Страх на минуту отпустил. Птенец открыл глаза и завертел головой.

– Его нужно напоить, – сказала Ирина Пална. – Давайте пипетку.

Сан Саныч принёс пипетку с остывшей кипячёной водой, и её поднесли к клювику стрижек. Птенец встрепенулся, захлопал крыльшками и стал жадно глотать воду.

– Кубик! – закричал Сенька. – Он же хищник, голубей на балконе гоняет! Он его съест!

А кот Кубик уже давно сидел рядом на диване, внимательно наблюдал за происходящим и никого есть не собирался. Он сразу понял, что эта маленькая птичка – новый член семьи, а поскольку кот считал себя в этой семье са-



мым главным, значит, он должен птенца защищать и оберегать. Чужие голуби на балконе – это совсем другое дело. Тем более Кубик за свою жизнь ещё ни одного голубя не поймал и не съел.

Стрижонка посадили в коробку из-под маминых сапог, на дно постелили бумажные салфетки и свёрнутую бубликом тряпочку, похожую на гнездо. Сверху наполовину прикрыли полотенцем, чтобы птичке было уютней. Коробку поставили на полку напротив крысиной клетки. Юзик стоял, держась лапами за решётку, и настороженно принюхивался. Он никого не хотел защищать и оберегать и переживал, что теперь уже не будет самым маленьким членом семьи.

– Слушайте, парни, – сказал Сан Саныч. Когда папа называл братьев «парни», они знали, что разговор будет серьёзный. – Значит, так. Дикий птенец – создание хрупкое. Мы не знаем, что с ним, поэтому имейте в виду, птичка может погибнуть в любой момент. Поняли?

Братья насупились и закивали. Сенька уже собрался заплакать.

– Но мы постараемся узнать, как за ним правильно ухаживать, и сделаем всё, что в наших силах, чтобы его спасти.

Венька подмигнул Сеньке и показал тайком из-за спины большой палец.

Глава 5. Чем кормить птенца

Чтобы начинать спасать птенца, его прежде всего нужно было накормить. У птиц быстрый обмен веществ, это значит, им нужно очень часто есть. Если птичка голодает несколько часов, она слабеет и может

умереть. Только чем кормить найдёныша? Этого никто не знал.

Сан Саныч позвонил знакомому ветеринару Сторожевскому, который ежегодно делал Бруно и Кубику прививки от бешенства и других собачье-кошачьих болезней. Ветеринар помычал в трубку, покашлял, покряхтел и честно признался, что двадцать лет лечил только кошек и собак и о птицах уже ничего не помнит. Тем более по диким птицам у них в институте даже не было зачёта, не то что экзамена. Сторожевский предложил поискать специалиста-орнитолога, но заявил, что у него знакомых орнитологов нет. Потом перезвонил и сказал, что, может быть, нужно просто подбросить птичку в воздух, и она улетит.

Совет показался сомнительным. У стрижонка были такие махонькие и куцые крылышки, что было ясно – летать он ещё не умеет.

– А может, его покормить бабушкиными пирожками? – спросил Венька. – Они вкусные.

– Нет, – сказала Ирина Пална. – Мы посмотрим в интернете, что это за птичка и что она ест.

По фотографиям в интернете они узнали, что это птенец стрижа, птицы насекомоядной. Узнали, что птенца стрижа можно выкормить и отпустить на волю, в отличие от других птиц, которых после вылета из гнезда ещё долго кормят и учат родители. Поэтому если человек вырастит такого слётка, тот не узнает всех птичьих премудростей и уже не сможет сам выжить в дикой природе.

– Хорошо, что это не птенец сокола, – сказал Сан Саныч. – Соколы, я знаю, едят живых крыс, мышей и цыплят. Даже не представляю, где бы их пришлось добывать и как ими кормить!

Крыса Юзик бросил мыть лапками уши и спрятался в домик. Ему было очень неприятно слышать, что кого-то могут кормить крысами. Но к стрижонку он сразу почувствовал расположение уже только за то, что тот не птенец сокола.

Ещё в интернете на сайте одного зоопарка сообщалось, что стрижей кормят «мешанкой» – смесью скоблёной сырой говядины, творога, яйца и тёртой морковки.

– Послушайте! – удивился Сан Саныч. – Как можно всем этим кормить птичку, которая ловит в небе насекомых? Разве там летают коровы, куры и овощи?

– Ага, – сказал Сенька, – хорошо, что коровы не летают!

Венька толкнул локтем брата в бок. А Ирина Пална растерянно посмотрела на сыновей и сказала:

– Ну, так написано... Как замена естественному корму.

– Сомневаюсь я, что корова может заменить муху, – сказал Сан Саныч. – По-моему, это то же самое, что накормить птицу бабушкиными пирожками.

Ирина Пална протянула птенцу раскрытую ладонь. Он немедленно забрался на руку, смешно ковыляя на своих коротеньких ножках, и стал хватать пальцы широко раскрытым клювом.

– Ну что же делать? Посмотри, какой он голодный и худенький, сейчас мою руку съест! – воскликнула Ирина Пална.

Стрижонок был не просто голодный, а страшно голодный, ведь он не ел весь день. А родители кормили их с братом каждый час с утра до вечера. Поэтому он жадно проглотил несколько шариков адской смеси творога с мясом и тёртой морковкой, даже не понимая,

что такое ему подсунули. Голод перестал грызть желудок, но появилась невыносимая тяжесть в животе. Стрижонок начал жалобно пищать. Он всё пищал и пищал, так что у Сеньки и Веньки подозрительно заблестели глаза.

Тогда Ирина Пална снова взяла птичку в руку и стала греть тугой набитый животик, а потом осторожно гладить пальцем по часовой стрелке. Так она делала массаж близнецам, когда они были ещё совсем маленькие и у них болели животы. Птенцу стало немного легче, он пригрелся в тёплой руке, закрыл глаза и заснул.

Ирина Пална отнесла стрижа в его новое гнёздышко. Во сне птенец болезненно попискивал, ему было нехорошо. Кот Кубик улёгся возле коробки,



нервно подрагивая хвостом. Несколько раз прибежал Бруно, пытался засунуть в коробку свой любопытный нос, но кот шипел на собаку и отгонял лапой.

Тревожный вечер закончился, настала ночь.

Глава 6. Сковородка

– Мам! Пап! – Мальчишки ни свет ни заря прибежали в родительскую спальню. – Стрижик жив?

– Жив, – сказала мама, не открывая глаз. – Я его покормила в пять утра и очень хочу спать.

– Нет, ты подожди спать, – сказал Венька. – Мы тут всю ночь думали и придумали. Давайте назовём его Сковородка!

– А почему Сковородка? – удивилась Ирина Пална.

– А вот чтобы никто не догадался, почему! – сказал Сенька. – Стрижиком-Пыжиком-Чижиком – так каждый может назвать, а Сковородкой – не каждый.

– Да уж, – сказала мама, зевая, – очень красивое имя.

– И главное, редкое... – буркнул из-под одеяла сонный Сан Саныч.

Так стрижик стал Сковородкой.

Каждые два часа с шести утра до двенадцати ночи Ирина Пална убирала со стрижиной коробки полотенце и протягивала птенцу руку. Сковородка с радостным писком быстренько заползал в ладонь и ждал, когда его отнесут на стол для кормёжки. В домике своём он есть не любил. И вообще он не очень любил сидеть в тёмной коробке.

В коробке Сковородка постоянно тихонько чирикал или посвистывал с закрытым клювом. Даже во сне. Это называется «птенцовый зов». Так стрижонок подаёт

сигнал родителям: «Мама, я здесь, я жив. Не потеряй меня, не забудь меня покормить!»

Больше всего Сковородке нравилось сидеть в человеческой руке, там было тепло и спокойно. И можно было рассматривать новый мир, в котором он оказался таким удивительным образом. Люди большие, но совсем не страшные. Собака, от которой чуть-чуть пахло родным домом, кот с круглыми жёлтыми глазами, который так приятно и успокаивающе мурлыкал... И ещё много незнакомых ярких предметов... Стрижик такого никогда в жизни не видел и никогда не увидел бы, если бы не выпал в то злосчастное утро из гнезда.

Сковородке всё было любопытно. Особенно интересно было, когда Ирина Пална не относила его после кормления в домик, а усаживала на мягкую салфетку на столе перед монитором, где она работала. Сковородка чистил пёрышки, чесал лапой за ухом, вертел головой и поглядывал краем глаза на экран.

Экран был очень светлый и напоминал стрижонку небо, которое он видел, выглядывая в леток. И ещё на этом новом небе были маленькие чёрные штучки, которые казались птенцу мухами, построенными в ряды и шеренги. Он широко открывал рот, чтобы поймать хоть одну из них, но эти мухи почему-то не летали.

Ещё Сковородка любил, когда ему гладили пёрышки под клювом. Он зажмуривал от удовольствия глаза и, как котёнок, подставлял шейку, чтобы и справа почесали, и слева, и на затылке поерошили. Он вспоминал тогда, как они с братцем перебирали друг другу перья, сидя в гнезде в ожидании родителей.

Конечно, не всё было хорошо. После кормёжки на Сковородку накатывала тошнота. Ему совсем не нравились шарики из мяса и творога, но ничего



другого ему не предлагали, а есть хотелось постоянно. Птенцы ведь очень много едят. Им нужно всего за полтора месяца превратиться в больших птиц и отрастить перья на крыльях и хвосте. Один стрижонок за день должен съедать корма почти в половину своего веса. Если пересчитать этот вес в комарах, то получится шесть тысяч комаров! И это за один день. Люди, живущие в этом доме, даже не догадывались, что только благодаря стрижам, которые поселились под крышей, их не мучают летом эти кусачие зудящие насекомые.

А ещё у Сковородки жутко чесались перья под трубочками, из которых они росли. Они так чесались, что не давали покоя ни днём, ни ночью. Кот Кубик, который теперь спал всегда возле стрижиной коробки, просыпался от шороха и тихонько мурлыкал, будто успокаивая. Сковородка пытался ободрать трубочки клювом, но они стали почему-то очень жёсткие и узкие и не поддавались.

Глава 7. Вредная мешанка

У Ирины Палны уже начался отпуск, и всё свободное время она читала в интернете о стрижах. Такой человек была Ирина Пална: если что-то делает, то должна изучить вопрос, как говорится, от корки до корки. В детстве она была отличницей и даже немного зубрилой.

В субботу после обеда, на четвёртый день, как в доме поселился птенец, Ирина Пална села к компьютеру, почитала новый сайт о птицах и вдруг вскрикнула, выскочила из-за стола и побежала на кухню. Сан Саныч пошёл за ней следом.

– Что случилось?

Ирина Пална стояла возле аптечки и капала в стакан валерьянку.

– Я так и знала! – сказала она с горечью. – Оказывается, на самом деле стрижей нельзя кормить тем, чем мы кормим нашего Сквородочку! От такой «мешанки» у них портится печень, а ещё неправильно растут и выпадают самые важные перья на крыльях и на хвосте. Самое страшное, что они начинают выпадать не сразу, а уже в небе, когда стриж снова начинает есть свою привычную еду – мошек. А в это время птица уже летит на зимовку! Ты только представь! Мы его выкормим, он улетит, а через неделю у него в полёте выпадут перья и он упадёт куда-нибудь в Средиземное море!

У Ирины Палны задрожали руки, и пузырёк с валерьянкой плюхнулся в стакан.

Сан Саныч хотел сказать: «А я что говорил!», но удержался, вытер брызги со щеки и просто спросил:

– И что же теперь делать?

– Срочно, немедленно, сию же секунду начинать кормить птицу только насекомыми. Там написано: пока не купили сверчков или тараканов в специальном магазине, можно кормить мухами и кузнечиками.

– Что-что? Сверчков и тараканов?! – переспросил Сан Саныч.

Но, заглянув в несчастные мокрые глаза Ирины Палны, пожал плечами и пошёл обзванивать зоомагазины. Ни в одном магазине такой экзотики не нашлось. Предлагали купить карликовых черепах, гигантских улиток и даже ядовитых пауков-тарантулов, только не сверчков и тараканов.

Мальчишек снарядили ловить мух и кузнечиков. Ирина Пална сшила из капроновой сетки сачок, а Сан Саныч сделал кольцо из проволоки и прикрутил его

к ручке от старого поломанного зонтика. Сачок был громадный. Кот Кубик помещался в него целиком, и ещё оставалось много места. Бруно от сачка убежал. Потом Сенька поймал сачком брата, потом Венька отобрал сачок и стал гоняться за Сенькой.

– Прекратить, – строго сказал папа. – Ещё порвёте. Это не для игры, а для серьёзного дела.

Ирина Пална дала братьям литровую банку. В пластмассовой крышке проделали круговой надрез, получилось что-то вроде дверцы. В неё можно было пропихивать мух и не бояться, что они удерут.

– Тридцать кузнечиков на одно кормление, – строго сказала мама. – Мух – без ограничения.

– Во дворе поищите, в скверике с фонтаном, – сказал папа. – Только далеко не уходите.

Глава 8. Охота на кузнечиков

Во дворе кузнечиков не было. Сенька и Венька ворошили ногами чахлую травку возле детской площадки в надежде увидеть, как из неё выпрыгивают травянки. Никого. Братья побежали в соседний сквер.

Там их ждала катастрофа. Громко тарахтела газонкосилка, разнося по воздуху запах бензина. Почти вся трава была подстрижена под ноль, и все кузнечики, конечно, разлетелись.

– И что делать? – спросил Венька.

– Может, пойдём в парк, где аттракционы? – спросил Сенька.

– Папа сказал далеко не уходить, – сказал Венька. Он из двоих братьев был самый ответственный.

– А птичка? – резонно заметил Сенька.

– Птичку надо кормить. Бежим.

И братья побежали в парк. Дорогу они знали. Направо в переулок, потом по аллее, потом через перекрёсток со светофором, и уже видны деревья за кованым забором.

К счастью, в парке траву постричь ещё не успели. Громадная лужайка кишмя кишела кузнечиками. Сенька ловил их сачком, а Венька приловчился руками. Он просто вынимал их из воздуха на лету. Скоро банка заполнилась почти на треть.

И тут к мальчишкам подошёл полицейский.

– Чем это вы тут занимаетесь? Где ваши родители? – строго спросил он. Полицейский был молодой и щекастый, из-под фуражки торчали розовые уши.

– Дяденька, извините, мы нечаянно! – сказал вежливый Венька. – Вернее, чаянно, очень чаянно! У нас Сковородка голодная!

У полицейского от удивления брови поползли под фуражку.

– Вы что, издеваетесь?

Близнецы, перебивая друг друга, рассказали, что у них дома живёт птенец стрижа по имени Сковородка, которому позарез нужны кузнечики, иначе он умрёт от голода, у него выпадут перья, он никогда-никогда не сможет летать и упадёт в Средиземное море!

– Ладно, – сказал полицейский. – Ловите. Только осторожно. И на клумбу не лезьте. Потопчете цветы от «Зелентреста», а мне отвечать.

Когда братья выходили из парка, полицейский поманил их пальцем. Сенька струхнул, спрятал банку, набитую кузнечиками и мотыльками, за спину. Он был готов драться за неё до последнего.

– Вот, наловил немножко, – сказал полицейский, когда мальчишки подошли, и вытряхнул из потного



кулака в подставленную банку с десятком кузнечиков, две большие зелёные саранчи и штук пять примятых мотыльков. – Вашей Сковородке. Пусть поправляется.

– Ого! – сказал Венька. – Ничего себе немножко!

– А я фуражкой. Очень удобно, – сказал довольный полицейский и взял под козырёк. – Обращайтесь, если что! Меня дядя Витя зовут, я тут дежурю через два дня на третий.

Глава 9. Отпуск, велосипед и бордовое платье

Когда близнецы принесли домой свой улов, мама немедленно поставила банку с насекомыми в морозилку между ведёрком с мороженым и пакетиком со спаржевой фасолью.

– Кузнечиков надо хорошенько проморозить, у них есть опасные для птиц паразиты, – объяснила она. – А пока будем есть мух.

Мухи Сковородке очень понравились. Он хватал их с пинцета клювом, топорщил крылышки и громко верещал, требуя ещё. За несколько минут он проглотил всех выловленных мальчишками мух.

– Мы же два часа за ними гонялись, – расстроился Венька. – А птичке опять есть нечего...

В этот день близнецы ещё четыре раза ходили «на охоту», но еды птенцу хватило лишь на день и ещё немножко осталось на завтрашнее утро.

Утром в гости пришла бабушка. Сенька и Венька встретили её у порога вопросом:

– А мух ты не принесла? Или хотя бы кузнечиков?

– Чем вы кормите детей? – возмутилась бабушка. – Раньше они любили мою выпечку.

И Сан Саныч рассказал про стрижа.

Бабушка с отвращением посмотрела, как Ирина Пална ножом разделяет на доске мороженных кузнечиков, и сказала:

– Да уж... Нашли себе заботу. Для такого дела нужны специалисты. Может быть, вы отдадите птичку кому-нибудь? В зоопарк или какому-нибудь любителю птиц, опытному человеку? Не выживет она у вас, слишком много с ней хлопот.

– Нет, – сказала Ирина Пална. – В зоопарки диких уличных птиц не берут. Опытных людей, я узнавала, очень мало, и у них своих таких птичек каждое лето полные руки. И ведь это мы нашли стришонка, подняли и принесли домой, а не кто-нибудь другой. Значит, это наша ответственность, а не кого-нибудь другого. Мы сказали «а», значит, нужно говорить «б».

– Вы же собираетесь на море, – сказала бабушка. – За котом, собакой и даже за крысой я присмотрю. А вот вашего стрижа кузнечиками кормить – уж увольте! Это удовольствие не для меня!

Сан Саныч и Ирина Пална переглянулись.

– Тут такое дело... – сказал Сан Саныч, замолчал и начал старательно чесать нос. Бабушка Веньки и Сеньки была его мамой, и он иногда, очень редко, просто по привычке, побаивался ей перечить.

– Мы пока решили никуда не ехать, – твёрдо сказала Ирина Пална.

– Это просто безумие! – воскликнула бабушка. – Из-за какой-то птицы? Да отнесите её на улицу. Это естественный отбор, как-нибудь сама прокормится. Вон их сколько летает! Одной меньше, одной больше... Вы совсем не думаете о детях! Детям нужен свежий воздух!

– Мы целый день на свежем воздухе! – закричал Венька. Он испугался, что их маленького беззащитного Сковородку могут отнести на улицу.

– Бабушка, мы совсем-совсем не хотим на море! Нисколечко! – закричал Сенька. – Ничего там хорошего нет. Жарко, мокро, фу!

– Ах, делайте что хотите! – в сердцах сказала бабушка и поджала губы. – Можете хоть крокодила завести!

– Нет, крокодила заводить не будем, он в нашу ванну не поместится, – сказал Сан Саныч, чтобы немного разрядить обстановку.

Бабушка погладила своего любимца Кубика и собиралась домой. Когда она ушла, а близнецы снова убежали ловить кузнечиков, Ирина Пална твёрдо сказала, будто бы сама себе:

– Неправда, мы думаем о детях.

– Ну да, – сказал Сан Саныч, – как мы им в глаза смотреть будем, если выбросим нашего Сковородку на улицу?

Хлопот и вправду было много. Остро встал вопрос – где добывать насекомых для стрижек. Кузнециков не хватало. Ирина Пална категорически не соглашалась больше давать Сковородке мясо с творогом и морковкой.

– Я видела фотографии, на которых видно, что случается со стрижами, когда их долго кормят этой «мешанкой», – сказала она. – Это так страшно, что даже показывать вам не стану! Я сама теперь ни мяса, ни морковки, ни творога есть не буду!

Конечно, Ирина Пална пошутила, что не будет есть мясо и творог, но проблему это не решало. Сан Саныч звонил в зоомагазины и каждый раз разочарованно клал трубку:

– Нету, корм только кошачий, собачий и для попугаев.

Наконец он нашёл телефон одного любителя змей и ящериц, который сам разводил для своих питомцев всяких кормовых насекомых. Он согласился продать Сан Санычу для стрижа сверчков, сколько тому понадобится.

– Значит так, – папа появился на кухне с телефоном в руке. – Дорогущие эти сверчки. Даже меня прокормить выйдет дешевле. Они пробьют дыру в нашем бюджете.

Мама вздохнула и сказала:

– Ладно, я отказываюсь от того шикарного бордового вечернего платья, которое хотела купить, чтобы идти на день рождения к Семёновым. В старом пойду. Оно ещё совсем новое.

Сенька толкнул Веньку локтем, Венька наступил брату на ногу, затем Сенька хлопнул Веньку по плечу. На этом совещание близнецов закончилось. Они всегда понимали друг друга без слов.

– Ладно, мы отказываемся от нового велосипеда, – сказал Венька.

– Я тогда тоже откажусь, давно мечтал купить... Да не важно... – сказал Сан Саныч. – Значит, решено, заказываю сверчков. Две тысячи штук на первое время должно хватить.

– Ура! – закричали братья. Бруно запрыгал и оглушительно залаял, кот Кубик строго на него шикнул, а крыса Юзик подумал, что, может быть, и ему достанется пара-тройка сверчков. Он, как животное всеядное, любил есть всё.

Глава 10. Тренировки

Сверчки Сковородке понравились гораздо больше мух. У него перестал болеть живот, перестали чесаться пёрышки, отвалились остатки трубочек и начали стремительно расти крылья и хвост. Лапки так и оставались коротенькими, но стрижу длинные лапы в полёте ни к чему.

Через две недели птенец уже не походил на взъерошенный комочек перьев, а стал превращаться в красивую стройную птичку. Крылья у Сковородки вытянулись в длинные изогнутые серпики. Когда он складывал их на спине, уже перекрещивались над хвостом.

После сытного обеда стрижинок сидел на салфетке на столе и по очереди вытягивал отросшие крылья с аккуратными белыми каёмочками на перьях. Делал зарядку. Левое – правое, левое – правое! Крылья вверх! Крылья вниз! Крылья в стороны! Крылья вместе!

Кот Кубик сидел рядом и внимательно следил, чтобы бестолковый Бруно не залез лапами на стол и не испугал птичку.

Ирина Пална очень беспокоилась, не начнут ли выпадать у стрижа перья из-за неправильного кормления в те ужасные первые дни. Она каждый день внимательно осматривала стрижиный домик, и когда не находила там ни одного пёрышка – ни большого, ни маленького, говорила:

– Фух! Пронесло.

И ещё строго-настрого запрещала трогать стрижи-ка голыми руками, особенно за крылья, чтобы перья не засалились. Потому что у птиц на перьях есть специальный защитный слой, который отталкивает воду и не позволяет им промокнуть под дождём. Человеческие руки, хоть и кажутся сухими, но всё равно достаточно влажные, чтобы этот слой нарушить.

Сковородка, как обычно, наевшись сверчков и выпив капельку воды из пипетки, делал на столе зарядку. Ирина Пална разложила рядом счета за квартиру, квитанции за свет, интернет и телефон и рассуждала, за что нужно заплатить срочно, а что может подождать. Вдруг стрижинок замахал крыльями часто-часто, как вентилятор. Бумаги веером разлетелись по всей комнате.

Потом Сковородка опустил вниз раскрытые крылья, поджал лапки и начал отжиматься на кончиках перьев. Ра-а-а-з – два! Ра-а-а-з – два! Он делал это старательно, как солдат-новобранец. Затем повернул голову и гордо глянул на Ирину Палну. Вот как я умею! Ирина Пална так не умела, поэтому смотрела на стришонка с восторгом.

Прибежали Сан Саныч с близнецами, полюбовались Сковородкиными упражнениями, и папа сказал:

– Вот какого орла вырастили! Скоро полетит!

На что суеверная Ирина Пална ответила:

– Тьфу-тьфу-тьфу, если всё будет хорошо.

С тех пор у Сковородки ни минуты не было свободной. Он тренировался изо всех сил. Когда крылья уставали, стрижонок клювом ровнял бородки на перьях, чтобы они лежали ровненько и красиво. Он знал, что если красиво – это значит правильно. На растрёпанных неаккуратных крыльях далеко не улетишь.

Неутомимый Сковородка тренировался даже в своей коробке по ночам. Ведь скоро-скоро он станет совсем взрослым и полетит в небо. Коробка стала ему тесна, и стрижек громко шуршал и бился об стенки.

Чтобы Сковородка не обломал пёрышки, его переселили в домик попросторнее. Для этого приспособили Брунину клетку, в которой он когда-то летал в самолёте. У клетки были гладкие пластмассовые стенки и решётчатая дверца, которую закрыли мелкой сеткой. По этой сетке стрижонок вскарабкивался на самый верх и учился висеть, зацепившись когтями.

В собачьей клетке было свободно, но не слишком уютно. Поэтому Ирина Пална предложила близнецам положить туда какую-нибудь мягкую игрушку из тех, что остались у них с далёкого детства. Она прочитала в интернете, что стрижата, как все маленькие дети, очень любят мягкие игрушки.

Сенька принёс своего самого-самого любимого медвежонка, а Венька – своего самого-самого любимого котёнка. Братья уже давно не играли с ними, но хранили в комоде и не разрешали дарить их кому-то или выбрасывать.



Когда мама увидела плюшевого кота, она закричала:
– Ни в коем случае! Птицы должны остерегаться котов! Хватит того, что Сковородка нашего Кубика не боится!

Тогда Венька нашёл зайца. Не самого-самого, но тоже любимого. Обе игрушки были старенькие и потёртые. То, что надо стрижонку, – чтобы коготки не зацепились за ворс и птичка не наглоталась искусственной шерсти. Сковородка любил на них забираться, покусывать клювом блестящие глазки и щипать мягкие уши.

А близнецы спорили, чью игрушку стрижонок любит больше, и немножко даже ревновали.

Глава 11. Сковородка умеет летать!

Хотя стрижу регулярно покупали сверчков, Сенька и Венька всё равно каждый день ловили мух и кузнечиков. Ирина Пална говорила: «Монодиета – это очень вредно. У птицы должен быть разнообразный рацион». За рационом ходили в парк, где братьям иногда помогал знакомый полицейский дядя Витя, и на школьное футбольное поле. За лето поле по колено заросло травой, и там развелось множество травянок и кобылок.

Однажды близнецов за ловлей кузнечиков застал одноклассник Стасик. Братья со Стасиком не дружили. В прошлом году он на переменках таскал из чужих рюкзаков карандаши и ручки, ломал их надвое и засовывал обратно в пенал. Самой маленькой девочке в классе, отличнице Насте, он прилепил на волосы жвачку. Настя плакала, а на следующий день пришла в школу с коротко остриженными волосами.

Стасик дразнился, дрался с одноклассниками, его ругали учителя, вызывали в школу родителей.

На какое-то время он утихомиривался, а потом снова брался за своё.

Венька хотел спрятать за спину сачок, но тот был большой, и Стасик его, конечно, заметил. И, конечно, стал смеяться:

– Вы только посмотрите! Детки впали в детство! Ха-ха! Бабочек ловят!

– Не бабочек, – сказал Сенька. – Кузнечиков.

Стасик ещё больше развеселился.

– Кузнечиков! Детский сад, штаны на лямках!

– Это стрижу! – сказал Венька. – У нас дома стриж живёт.

– Какой такой стриж? Где это он у вас живёт?

– Обычный стриж, птенец ещё. В собачьей клетке живёт. Он вырастет и улетит.

– Враки! – сказал Стасик. – Никуда он не улетит. Если птица сидит в клетке, она летать никогда не научится! Полетит, как кирпич с ножками, ха-ха-ха! Лучше отдайте его коту, чтоб сожрал. Хоть какая-то польза будет.

Братья не стали ничего доказывать вредному Стасику и, расстроенные, молча ушли домой.

Дома Венька спросил у мамы:

– А если Сковородка так и не научится летать?

– С чего ты это взял? – спросила Ирина Пална.

– Ну, он в клетке живёт, и некому его учить. Птенцов ведь родители учат. И летать, и мошек ловить. А мы Сковородку ничему не учим. Он не знает, как это делается.

– Не волнуйся, – сказала мама. – У стрижей очень сильный инстинкт. Их родители тоже ничему не учат. Стрижата сами всё знают. Ты же видел, как Сковородка отжимается на крыльях? Разве кто-то ему показывал, как это делать?

Венька не совсем понимал, что такое «инстинкт», но немного успокоился и пошёл успокаивать брата.

Совсем скоро Сковородка доказал, что волноваться не стоит. Как обычно, после обеда он отжимался на мамином столе и вдруг, совершенно неожиданно для всех, взмахнул крыльями, с силой ударил ими по столу и – взлетел! Сковородка сам не ожидал от себя такого, но не растерялся. Облетел вокруг люстры и плюхнулся на диван.

Бруно с лаем бросился к стрижу. Наверное, он хотел обнять его на радостях и поздравить. Всё произошло так быстро, что Сенька с Венькой и мама с папой успели только ахнуть. Потому что объятия собачьих лап с когтями размером в полстрижа могли очень плохо кончиться для птички.

Но Кубик, как маленький рыжий тигр, прыгнул наперерез, столкнулся в полёте с собачьей мордой и отвесил Бруно оплеуху. Пёс присел у дивана на задние



лапы и замотал головой. А Ирина Пална в это время успела подхватить стришонка.

Когда все немного пришли в себя от потрясения, Кубику, храброму коту – защитнику стрижей, положили в мисочку большую порцию его самых любимых кошачьих консервов, а Бруно сказали: «Фу, нельзя». Потому что он не со зла это сделал. Он был добрый пёс, только неуклюжий и слишком эмоциональный.

Глава 12. Страшная болезнь

Но однажды утром Сковородка вдруг почувствовал себя очень плохо. Есть не хотелось, тренироваться не хотелось, летать не хотелось. Он сидел в клетке носом в стенку, нахохлившись и с закрытыми глазами.

Ирина Пална, бледная и взволнованная, подносила к клюву стрижику вкусных сверчков, а он только вяло отворачивался. Что случилось с весёлой, бодрой и всегда голодной птичкой? Сначала решили, что стрижу жарко, предложили воды, но пить Сковородка тоже не захотел. Стряхнул капли с клюва и забился ещё дальше в самый тёмный угол.

Каждые полчаса Ирина Пална пыталась накормить стрижа. Сковородка не ел и не пил. К вечеру он вдруг начал мелко трясти головой и крутиться на одном месте, как поломанная заводная игрушка. Сковородка сам не понимал, что с ним происходит. Всё тельце у него болело, и трудно было дышать.

– Я не знаю, что делать! – чуть не плакала Ирина Пална. – Он заболел. Нужен врач, скорая помощь! Сами мы не справимся.

– Врач не поможет, – упавшим голосом сказал Сан Саныч, – ветеринаров не учат, как лечить диких

птичек. Спрашивай на интернет-форумах любителей птиц, может, кто-то знает, что это с ним стряслось.

– Я уже написала всюду, куда только можно! – воскликнула Ирина Пална. – Даже в сообщество любителей сов и ворон! Я даже видео записала, как его, бедного, крутит. Никто ничего не знает. Пишут только, что это какая-то страшная неизлечимая птичья болезнь! Называется «вертячка»!

Сенька и Венька стояли рядом. Венька не выдержал и стал хлюпать носом.

– Так, парни, – сказал папа. – Это дикая птица. Создание хрупкое. Поэтому имейте в виду, птичка может в любую минуту...

– Никакая он не дикая! – закричал Сенька. – Он наш! Мы его вырастили, он нас любит. И мы его тоже любим! – и выскочил на улицу. Венька побежал за ним.

Мальчики бежали куда глаза глядят, размазывая по лицу слёзы. Глаза у них из-за слёз ничего не видели и никуда не глядели, поэтому братья опомнились только на школьном стадионе, где ловили кузнечиков для Сковородки.

На асфальтированной дорожке на краю поля девочки играли в «резиночку». Среди них была Настя, отличница из Сеньки-Венькиного уже второго «Б». Она ждала своей очереди, но увидела ребят и подбежала к ним.

– Привет! Видали? Я уже до седьмой фигуры дошла, только выскользка* случилась!

Братья молчали.

* Выскользка – в игре в «резиночку» случай, когда резинка выскальзывает из-под ноги, после того как на неё уже прыгнули.

– Вы чего? Чего такие насупленные? А чего на море не поехали, вы же хвастались, что папа вас научит нырять на двадцать метров. Вы поэтому плачете?

– И совсем мы не плачем, – буркнул Венька и отвернулся.

А Сенька вдруг рассказал Насте всё. Про стрижек Сквородку, про то, как они его нашли, кормили, доставали насекомых, как он вырос и научился летать, а теперь умирает от неизлечимой птичьей болезни.

Настя слушала, потом открыла рот и вытаращила глаза.

– Не может быть! – сказала она.

– Может, – горько сказал Венька. – Папа говорил: в любой момент...

– Я не о том! Таких совпадений быть не может! У меня троюродная тётя в Саратове. Она ветеринар-орнитолог, она стрижами занимается! Стрижеспасательница. Она каждое лето птенцов выкармливает, ей со всего города приносят. В прошлом году ремонтировали один балкон, там под полом нашли целых пять гнёзд! И все с птенчиками. А их родители испугались и улетели. Так она всех спасла. И ещё дома у неё живут стрижи, которые крылья сломали и летать не могут. Ну, точно! Она знает, что надо делать. Бежим, я её телефон вам запишу!

И, не дожидаясь ответа, Настя помчалась по улице. Мальчишки побежали за ней.

Глава 13. Надежда на спасение

Через несколько минут ребята остановились у Настиного дома. Это была высокая шестнадцатизэтажка, над крышей которой носились на вечерней охоте визгливые стайки стрижей, подсвеченные закатным

солнцем. Венька глянул вверх и отвёл глаза, он не верил, что какая-то Настина троюродная тётя сможет помочь маленькому Сковородке.

– Ждите тут, я пулей, – сказала Настя и исчезла в подъезде.

– Не кисни, – толкнул Веньку брат, будто прочитав его мысли. – Это шанс. Хоть какой-то...

Настя вернулась быстро.

– Вот, – протянула она бумажку с номером телефона. – Тётя Наташа, отчества я не знаю, скажете, что со стрижом беда, она сразу ответит.

Венька схватил бумажку, и братья бросились домой.

– Вы мне потом позвоните, да?! – крикнула вслед Настя.

– Обязательно! – крикнул Сенька. – Спасибо тебе!

– А на стрижа потом прийти посмотреть можно?!

– Можно!!!

Когда братья прибежали домой, уже стемнело.

– Ну что? – с порога спросили они хором.

Сан Саныч вышел в прихожую.

– Всё так же, крутится волчком. Похоже на судороги, – сказал он и даже не стал ругать сыновей за то, что они ушли без спросу из дома. – Мама держит его в руках и гладит шейку, тогда его меньше трясёт.

Венька дал папе смятую в кулаке бумажку.

– Вот тут номер. Это врач-орнитолог в Саратове. Настина тётя Наташа. Стрижеспасательница.

Сан Саныч не стал ничего расспрашивать и уточнять, а пошёл за телефоном.

Весь разговор мальчишки сидели тихонько и прислушивались. По папиным коротким фразам было

непонятно, что ему отвечает Настина тётя. Потом Сан Саныч положил трубку и сказал:

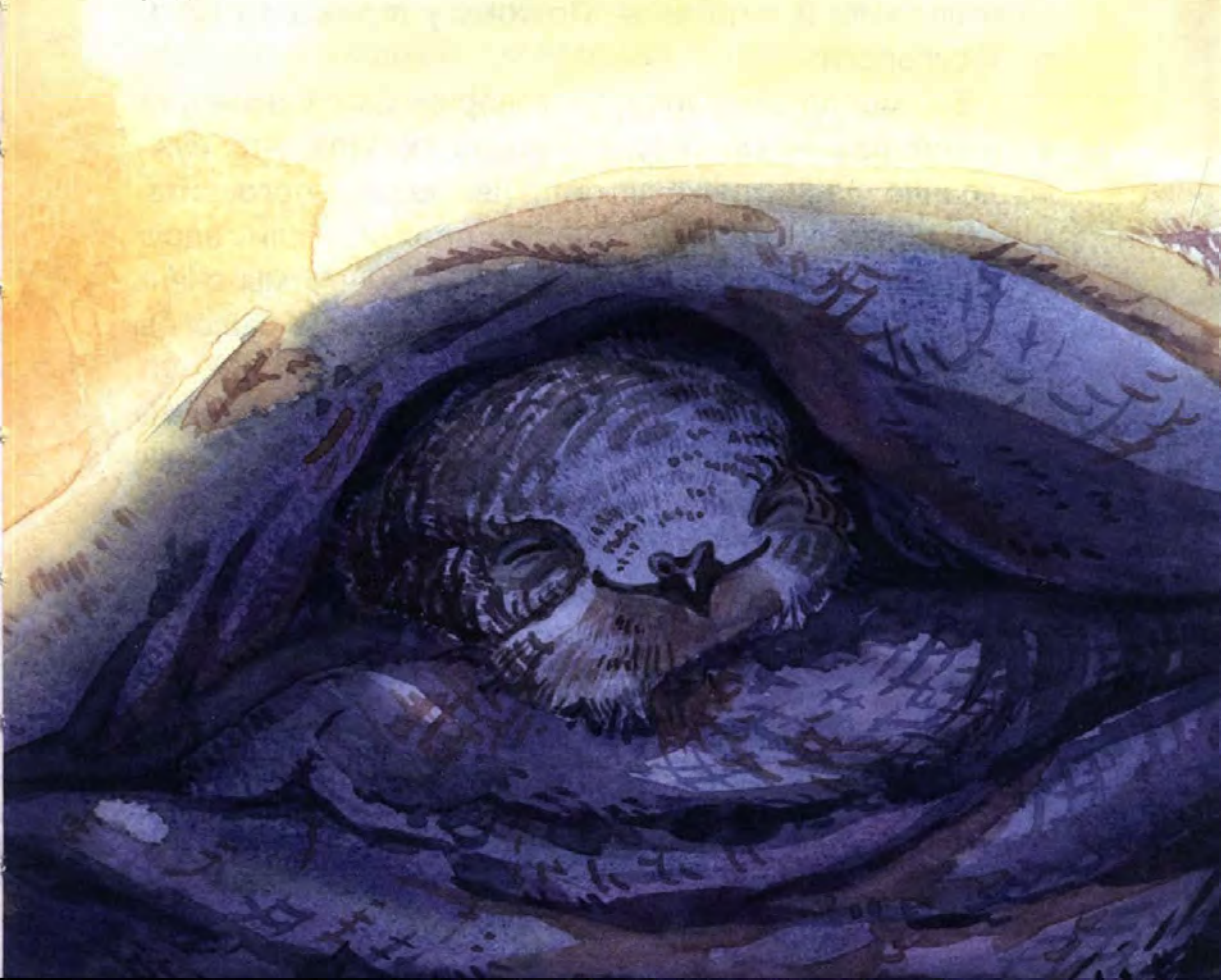
– Значит, так. Надо срочно витамин В₁. В ампулах. У нас есть?

– Откуда? – ответила Ирина Пална. – Это в аптеке. Сегодня же воскресенье. Девять вечера, всё уже закрыто.

– Есть дежурные, круглосуточные, – сказал Сан Саныч. – Я поехал. И ещё инсулиновый шприц, – вдруг придётся укол делать.

– Ох! – Ирина Пална прижала руки к груди, в одной руке в салфеточке сидел измученный больной Сквородка. – Я же не умею!

– Потом разберёмся, – сказал Сан Саныч. – Я поехал.



Глава 14. Витамин В₁

В полпервого ночи в доме с фонариком, в квартире на третьем этаже, на кухне ещё горел свет. Сан Саныч, Ирина Пална, братья Сенька и Венька сидели все вместе за обеденным столом. В углу в своей коробочке под полотенцем спокойно спал сытый Сковородка. Коробку не стали уносить в комнату, чтоб ни на минуту не оставлять птичку одну и следить за её состоянием.

Опытная стрижеспасательница тётя Наташа всё объяснила. Оказалось, никакая это была не «вертячка». Эта болезнь называлась «дефицит витамина В₁». Этот витамин разрушается при заморозке, а он очень важен для птичьей нервной системы. Сковородку кормили морожеными насекомыми, чтобы убить паразитов, но при этом пропали и витамины. Поэтому у стришонка начались судороги.

– Вы молодцы, парни, – говорил Сан Саныч уже в третий раз. – Орнитолог Наташа сказала, что нужно срочно дать птичке выпить две капли этого витамина, и сразу же всё должно пройти. Если вдруг не поможет, то сделать укол. И сказала, что мы очень вовремя к ней обратились. Ещё бы день – и было бы поздно.

– Как хорошо, что помогло! – воскликнула Ирина Пална. – Я уже совсем не боюсь насекомых, но уколы делать очень боюсь! Тем более такой крохотной птичке.

– Завтра утром дадим ещё две капли, а потом, Наташа сказала, давать каждые пять дней для профилактики. Ну, чтобы больше такая беда не повторилась.

– Как хорошо, что есть люди, которые знают, как лечить диких птиц! – не успокаивалась Ирина Пална.

– Угу, – сказал Сан Саныч. – В Испании есть даже целый научный центр по спасению стрижей. Наташа говорила, что за лето сотрудники выкармливают по четыреста птенцов, которые выпали из гнёзд. А потом отпускают их на волю. Четыреста, представляете?

Сенька и Венька не представляли. После переживаний этого дня у них слипались глаза, но в детскую уходить мальчишки всё равно отказывались.

Спать легли только после того, как позвонила Настина тётя Наташа и поинтересовалась, как чувствует себя стриж. Она очень обрадовалась, когда узнала, что стрижику стало лучше, что он перестал трясти головой и крутиться и хорошо поел. Ещё Наташа сказала, что можно звонить ей в любое время днём и ночью, если появятся какие-нибудь вопросы.

Остаток ночи прошёл спокойно, а в пять утра голодный и бодрый Сковородка разбудил всех своим весёлым чириканьем.

Глава 15. Удивительные птицы

После кислого и невкусного витамина В₁ Сковородка чувствовал себя прекрасно. Будто бы ничего и не было. У него снова проснулся зверский аппетит, и он снова начал тренировать крылышки. Сковородке хотелось летать. Летать было так приятно! И гораздо легче, чем ковылять на коротких ножках, переваливаясь, как утка. Когда стрижонка вынимали из клетки, он раскрывал свои длинные красивые крылья и начинал мелко-мелко дрожать. Как будто в груди у него включался моторчик.

Ирина Пална прикрывала Сковородку рукой в перчатке, быстренько кормила и немедленно уносила обратно в клетку. Она боялась, что стриж сорвётся

и начнёт летать по квартире. Это было опасно, птичка могла удариться о стенки и мебель, запутаться в занавесках или упасть и расшибиться.

Настя приходила каждый день посмотреть на птичку. И не с пустыми руками. Всегда приносила Сковородке десяток мух в пластиковой бутылочке.

А через неделю Сковородка снова потерял аппетит. Съедал одного-двух сверчков, потом начинал вертеть головой и плевать. Ирина Пална его уговаривала и умоляла, держа наготове сверчка в пинцете, чтобы успеть затолкать, если стрижек вдруг откроет рот. Но Сковородка есть не хотел, он хотел лететь.

Когда в очередной раз стрижек выплюнул весь завтрак и, вырвавшись из рук, полетел к окну и повис на занавеске, Ирина Пална сказала:

– Ну всё. Предполётная голодовка. Наташа говорила: все стрижата за неделю перед вылетом отказываются есть. Чтобы сбросить лишний вес. Пришла пора, скоро наш стрижек улетит от нас.

– Навсегда? – спросил Венька.

– Да, навсегда, – ответила Ирина Пална, снимая птичку с окна.

Сенька и Венька засопели.

– Мам! Он же такой ручной! Так к нам привык! Зачем его отпускать навсегда? Может, пусть у нас живёт? Или отпускать его на немножко, чтоб он полетал со своими, а вечером к нам возвращался? – стал просить Венька.

– Точно! – подхватил Сенька. – Как ворона Роза у тёти Клары! Она летает себе, где хочет, а тётя Клара как позовёт с балкона: «Роза! Иди кушать!» – и Роза тут как тут.

– А на зиму мы его снова домой возьмём, чтоб он не замёрз, – размечтался Венька.



– Нет, – сказала мама, – стриж – не ворона. Он не будет прилетать на балкон. Он живёт в небе. А если оставить стрижа дома, у него без неба будет неправильная, ненастоящая жизнь. Только если он совсем летать не сможет, как птички, которые у Наташи живут. Тогда уже некуда деваться. А у нашего Сквородки, посмотрите, какие крылья! Как же можно лишить его неба? Кроме того, стрижата, когда вылетают в первый раз из гнезда, они ведь сразу летят на зимовку в Африку.

– Как, сразу в Африку? – удивились братья. – Это же так далеко!

– Да, – сказала Ирина Пална. – Очень далеко. От нас до Центральной Африки почти шесть тысяч километров. И стрижонок летит, и летит день и ночь, только иногда присаживается отдыхать на отвесных скалах.

Мальчишки притихли. Они смотрели на Сквородку и представляли, как он, маленький такой, день и ночь летит тысячи километров высоко-высоко в небе.

Сан Саныч, который, сидя за своим компьютером, прислушивался к разговору, сказал:

– Нормально, парни. Посмотрите, какие аэродинамические характеристики у стрижа. Это же идеальный летун. Природой всё выверено до микрона. Стриж – самая быстрая птица на Земле. Сто восемьдесят километров в час! Ну, ещё сокол-сапсан с ним может поспорить, и то только тогда, когда пикирует на добычу. А стрижи могут два года летать без передышки!

– Два года? Это же так долго! Два года назад мы ещё в детский сад ходили... – сказал потрясённый Венька. – А через два года перейдём уже в четвёртый класс. И всё это время Сквородка будет летать?

– Да, будет летать. А через два года вернётся к нам. Ну, не к нам, а в наш город, на это же место, строить гнездо и выводить своих птенцов.

В этот вечер братья рано легли спать. Они не спорили и не сопротивлялись, как обычно. Задумчиво почистили зубы, задумчиво переоделись, забрались на свою двухэтажную кровать – Венька наверху, Сенька внизу – и задумчиво улеглись думать о том, как маленькие чёрные стрижи летят в далёкую Африку за тысячи километров.

Глава 16. Челётная погода

Когда дети уснули, Сан Саныч и Ирина Пална договорились, что завтра нужно Сковородку выпустить. Крылья у него уже выросли до нужной длины, трубочек на перьях не было. Он достаточно похудел, чтобы легче было подняться ввысь. Птице хотелось лететь. Никто ведь не держит стрижат взаперти, когда они сидят в родительском гнезде. Как только птичка чувствует, что она уже готова, – вываливается из гнезда и улетает.

Решили пойти с мальчишками на стадион рядом с парком. Стрижеспасательница Наташа говорила, что выпускать стрижей надо обязательно на большом открытом пустыре, чтобы не было близко деревьев, домов и проводов. Тогда птица может набрать скорость и подняться на нужную высоту. А там стриж будет уже у себя дома!

Но наутро всё небо затянуло тучами. Сначала шёл проливной дождь, а к обеду началась гроза.

И Сковородка остался дома. Ирине Палне удалось с большим трудом скормить ему трёх сверчков, а потом она понесла взвешивать птичку на кухонных весах.

– Сорок два грамма, – сказала она. – Вес самый лётный. Ох, боюсь, если дожди затянутся, он у нас ослабеет и не сможет долететь до Африки.

Сковородка загрустил. Перестал чирикать, как птеник, часто сидел перед дверцей Бруниной клетки и смотрел в окно, за которым тянулись бесконечные серые дождевые облака. А однажды вдруг закричал тоскливо, пронзительно и тонко, совсем как взрослые стрижи.

Ирина Пална каждые два часа предлагала ему поесть. Уговаривала, умоляла и пела песенку собственного сочинения:

Скоро-до-чка,
Съешь, пожалуйста, сверчка,
Вкусного, полезного,
Де-ли-ка-тес-но-го!

Сан Саныч только хмыкал и смотрел в интернете погоду на ближайшие дни.

– Глухо, – говорил он. – На всех сайтах понижение температуры, дожди и грозы.

А стрижонок понемножку ел, как будто понимал, что сильно худеть ему нельзя.

Тех сверчков, которых не съедал Сковородка, отдавали крысе. Юзик лакомился насекомыми и жалел, что у крыс не растут крылья, а то бы его всегда так вкусно и питательно кормили. Правда, никуда улетать он не хотел. Ему нравилась его уютная клетка с домиком под розовой крышей, гамаком и с лесенкой на второй этаж.

Дождь всё шёл, шёл и шёл. На третий день он кончился, зато подул сильный ветер. В квартире поселилось напряжённое ожидание. И Сан Саныч, и Ирина Пална, и мальчишки всё время выглядывали с балкона, не летают ли стрижи над домами. Раньше их было много, а теперь небо совсем опустело.

По ночам Сковородка буянил в клетке, как будто хотел удрать, пока все спят. Бруно царапал дверцу,



видимо, хотел открыть её и выпустить стрижа. Только Кубик сохранял спокойствие. Он прогонял собаку, укладывался перед клеткой и громко мурлыкал стрижонку, будто хотел сказать: «Потерпи немножко, всё будет хорошо».

Погодные сайты Сан Саныч проверял каждый час. Синоптики не обещали ничего хорошего. То грозу, то дождь, то ветер. Потом Сан Саныч позвонил своему знакомому, который работал диспетчером в аэропорту, ведь у лётчиков всегда самые верные прогнозы. Наконец он сказал:

– Вот. Завтра обещают потепление. Ясно, температура двадцать пять градусов, ветер два метра в секунду. И на ближайшие дни никаких дождей и гроз в южном направлении.

Это было так вовремя! Потому что Сковородка со вчерашнего обеда объявил полную голодовку. Вообще-то, все стрижата в дикой природе за день до вылета совсем прекращают есть, чтобы на сытый желудок не пропала охота покидать гнездо. А там, в небе, в родной стихии, уже можно вволю наглоглататься мошек, стоит только широко открыть клюв.

Глава 17. В Африку!

Утром Сенька и Венька проснулись от яркого солнечного света и птичьего щебета за окном. Не хотелось им расставаться со Сковородкой, но они страшно обрадовались за него. Они видели, как птичка тоскует и как ей хочется в небо. И хоть им было всего только по восемь лет (восемь с половиной!), они уже понимали, что на воле Сковородке будет лучше, чем у них в доме. Венька позвонил Насте:

– Сегодня Сковородку будем выпускать. Пойдѐшь с нами?

Конечно, Настя прибежала сразу же. Она заглядывала в клетку, восхищалась:

– Какой он стал хорошенький, совсем большой! А какой красивый, пѐрышко к пѐрышку! А крылья какие длинные! А глаза какие умные и строгие! Смотрит и будто всё-всѐ понимает!

Сенька только гордо хмыкнул, ведь в том, что Сковородка стал такой красивый и ухоженный, была и их с братом заслуга. Кто всё лето гонялся дни напролѐт за кузнечиками?

А Венька сказал:

– Если бы не ты и не твоя тѣтя Наташа стрижеспасательница, то неизвестно, что бы было со стрижомком...

А Сковородка был уже не стрижонок, а взрослый молодой стриж. Его посадили в маленькую картонную коробку, чтобы не вырвался по дороге на стадион. Посидели «на дорожку» и пошли. Сначала коробку со стрижом нѐс Сенька, потом Венька. Потом дали понести коробку Насте. Настя так крепко прижимала её к себе, что Сенька не выдержал и дѣрнул девочку за рукав:

– Смотри, раздавишь ещё!

Всю дорогу и Сан Саныч, и Ирина Пална, и дети молчали, потому что сильно волновались.

Ворота на стадион оказались заперты изнутри на большой висячий замок. Сан Саныч подѣргал решѣтку и закричал:

– Эгей, есть кто-нибудь?!

Из голубого деревянного домика появился охранник, открыл замок, вышел, тщательно закрыл ворота за собой и спросил:

– Что случилось?

Ирина Пална стала объяснять, что они месяц растили птенца стрижа и теперь его пора выпускать, но делать это нужно обязательно на стадионе. Дядька недоверчиво выслушал, почесал в затылке. Потом сказал, что у него очень строгое начальство и на стадион посторонним никак нельзя. Если кто-нибудь увидит, его сразу уволят. Тут на помощь пришёл Сан Саныч. Пока родители убеждали и просили охранника, Сенька, Венька и Настя стояли с коробкой в стороне.

Им уже показалось, что ничего не получится и придётся везти стрижа сначала на метро, а потом на электричке за город. Только там были открытые поля без деревьев и домов. А Сквородка уже начал биться и хлопать крыльями. Он почуял воздух свободы.

И тут Венька увидел полицейского дядю Витю.

– Дуй к нему, быстро, – сказал он Сеньке. – Он должен помочь. Полиция главнее, чем начальник стадиона. Сторож должен послушаться.

Через минуту Сенька вернулся вместе с дядей Витей. Полицейский подошёл к охраннику.

– Здоров, Семёныч! Тут такое дело... – Он отвёл дядьку в сторонку и стал что-то тихо ему говорить.

– Ну так сразу бы так и сказали! – обрадовался охранник и открыл ворота. – Выпускайте свою птичку!

Все прошли на стадион. И дядя Витя тоже. На краю громадного футбольного поля остановились. Ирина Пална достала Сквородку из коробки и посадила Сан Санычу на руку. Ещё дома они договорились, что выпускать будет папа. Потому что у него рост метр восемьдесят семь, а если руку поднять вверх, все два метра с половиной будут. Ведь стрижу, чтобы хорошо взлететь, нужна высота.

Сквородка сидел на ладони Сан Саныча и вертел головой. Такого простора он никогда не видел и оробел.

Стрижу очень хотелось рвануть ввысь, но было страшновато. Он свесил вниз свои длинные красивые крылья и осматривался, постепенно привыкая к небу, солнцу и лёгкому ветерку. Сенька и Венька затаили дыхание. Сеньке показалось, что у него даже перестало биться сердце. Веньке – тоже. Настя прошептала:

– Ой, мамочки!

Сенька толкнул её локтем.

И тут Сковородка сорвался с руки! Сначала он опустился вниз и полетел над самой травой. Настя снова пискнула:

– Ой, мамочки!

А мальчишки закричали:

– Давай! Давай-давай-давай!

Сковородка будто услышал их, часто-часто замахал крылышками, вырулил из пике над землёй и стал подниматься всё выше и выше над стадионом. Когда он пролетел почти всё поле, легко развернулся и сделал большой прощальный круг. Потом мысленно сказал: «Спасибо вам, люди!» – и на раскрытых крыльях по спирали стал уходить высоко в зенит.



– Воздушный поток поймал, – сказал полицейский Витя почему-то охрипшим голосом.

Сан Саныч, близнецы и Настя молчали, задрав головы. Ирина Пална сжимала в руке платочек и незаметно плакала. Сковородку в небе уже было едва видно.

Вдруг, откуда ни возьмись, появилась стайка из четырёх стрижей, подлетела к Сковородке, покружилась-покружилась, и все вместе они унеслись далеко за облака.

В небе было пусто. Сковородка улетел...

Через полтора месяца, утром, когда Ирина Пална собирала близнецов в школу, она вдруг села на стул с кухонным полотенцем в руке и сказала:

– Я чувствую, я точно знаю, Сковородочка наш прилетел в Африку. В Танзанию.



Кра и Мартина

Помогая другим, мы помогаем себе.





Глава первая

Снова меня разбудил галочий гвалт. Почему они всегда так орут по утрам? Я нашарила телефон под подушкой. Кошмар. До звонка будильника ещё целых десять минут. Целых десять минут можно было досмотреть сон про... Про что? Уже не помню. С высокой берёзы за окном с шумом поднялась галочья стая, и у меня тут же всё вылетело из головы.

Почему-то галкам очень нравится эта берёза. Как только стемнеет, они прилетают толпой и устраиваются тут на ночёвку. Смешно перекликаются, тявкают тоненько, как маленькие собачки, а потом засыпают. Только иногда какая-нибудь птичка залопочет спр-сонок: «Все тут?» – «Тут!» ответит ей другая с сосед-

ней ветки. И снова тишина. А утром галки устраивают такой базар, что спать уже невозможно. Наверное, радуются, что пережили морозную ночь.

Сквозь щель под дверью в мою комнату пробралась тонкая полоска света. Значит, мама уже на кухне и готовит мне завтрак. Нужно вставать и собираться в школу. Ужасно не хочется. Нет, школа у меня нормальная. Наверное. Если бы не было математики, а одна только биология, которую мы начали учить в этом году, вообще все было бы прекрасно. И с Ленкой мы ещё не дорисовали персонажей к нашему комиксу про инопланетных захватчиков. Мы его рисуем на переменках уже три месяца и никому не показываем.

Но утром, особенно зимой, когда на кухне горит свет, а за окном только-только начинает рассеиваться ночная темень, мне всегда становится тоскливо. Кто придумал, чтобы уроки начинались так рано?

Есть, правда, одна вещь, которая поднимает мне настроение. Я никому об этом не рассказываю. Даже Ленке. Не знаю почему. Может, потому что я обожаю биологию, а она математику, и всякие птички-невелички её мало волнуют.

А секрет мой простой: каждое утро, когда я иду в школу, у подъезда меня поджидают две вороны. Я решила, что это семейная пара. Одна ворона покрупнее и понахальней, она садится на перила у ступенек и требовательно на меня каркает. Наверное, это ворона-папа. Я зову его Кра. Вторая ворона скромная, поменьше. Это ворона-мама, по имени Мартина.

Прошлым летом мы переехали в новую квартиру. Там рядом с домом обнаружилась небольшая лужайка между деревьями, где выгуливали собак. И на этой лужайке постоянно толклись птицы, рылись в траве,



выковыривали из земли жучков и червячков. Так интересно было за ними наблюдать! Мама всегда торопила меня:

– Идём скорее, снова ворон считаешь!

Однажды я бросила на газон кусочек засохшего печенья, который завалялся в кармане. Тут же прилетела большая ворона и сказала три раза «Кра!» К ней прискакала другая, и они стали вдвоём клевать угощение.

Мне тогда очень нравились книжки про девочку Мартину. Книжки эти совсем детские, но там были такие рисунки! Кажется, мне никогда так не научиться рисовать. И когда я на следующий день увидела

на том же месте двух ворон, побольше и поменьше, назвала их Кра и Мартина.

Так у меня появились друзья. Они меня очень быстро запомнили и стали каждый день прилетать за угощением. Иногда прилетали и другие вороны, но Кра был главный начальник у нашего подъезда, напрыгивал на непрошенных гостей с карканьем, и они убегали восвояси.

Потом я прочитала в интернете, что воронам нельзя есть сладкое печенье и хлеб. Мне пришлось «полюбить» гречневую кашу. Мама удивилась и обрадовалась, когда я через день стала её просить сварить мне гречку.

– Умница! – сказала мама. – Это очень полезная крупа, там много железа. Видимо, твой растущий организм сам знает, что ему требуется.

И даже не стала возражать, когда я попросила её варить гречку без соли, потому что соль для птиц – почти яд. Маме я об этом не говорила. Я знаю, что бы она сказала:

– Глупости какие – кормить уличных птиц! Они сами себе еду ищут. А если не найдут – так это нормальный естественный отбор.

Мама у меня, как Ленка, – рационалист-технар, работает в научно-исследовательском институте физики младшим научным сотрудником. А папа там же – старшим, так что ждать от родителей понимания было нечего.

С тех пор у меня всегда в рюкзаке лежало два контейнера для школьных завтраков. Один для меня, с бутербродами, второй для ворон, с кашей, кусочками творога, несолеными орешками, семечками и прочими невредными для птиц вкусами. Кра и Мартина каждый день встречали меня по дороге в школу и обратно.

Глава вторая

Я вышла на порог. В просвете между домами разливался розовый свет. Восходящее солнце отразилось в окнах многоэтажки и ударило в глаза золотым ослепительным лучиком. Ага! Вот и Кра. Он сидел на заśnieженном карнизе над подъездом и встряхивал крылышками. И вдруг запел! Сначала я даже не поняла, что это за звуки. Никогда бы не подумала, что вороны умеют петь. Вороны – не певчие птицы, и многие считают, что карканье у них очень противное.

Кра надулся, распушил голову, сначала сказал своё обычное «кра», а потом затянул низкую мелодичную трель, с бульканьем и переливами. Это было бесподобно! Так красиво звучало, как виолончель у соседки, которая живёт под нами. Когда она занимается, я приставляю стакан к стене ободком, ухо – к донышку и слушаю.

Кра пел, а я стояла как заколдованная. Может, он так говорит мне спасибо за кашу с творогом? Тут прилетела Мартина, села рядом на карниз, и Кра стал перебирать ей пёрышки на затылке. Мартина даже глаза закрыла от удовольствия. Так вот для кого он пел свою песенку! Рот у меня сам собой растянулся в улыбке.

Потом я вспомнила про школу, быстренько выложила воронам еду под куст сирени и побежала к автобусу. На первый урок я, конечно, опоздала. Казимира, наша математичка и классная руководительница, меня не выругала, только сказала:

– Быстро на место, пишем контрольную.

Нина Казимировна была седенькая, старенькая, всегда уставшая и, наверное поэтому, совсем не злая. Иначе мы бы придумали ей другое прозвище.

Всю контрольную по математике я думала о том, что уже кончается февраль, хоть третья четверть и самая длинная, всё равно скоро весна и птицы начнут строить гнёзда и выводить птенцов.

Ленка после урока, как обычно, сказала мне:

– Давай сверим ответы. Первое задание: найти корни квадратного уравнения. У меня пять и восемь. А у тебя?

Я только махнула рукой. Ну какие квадратные уравнения, какие корни, когда скоро весна? Интересно, есть ли гнездо у моих ворон? На берёзе, где спят галки, висит большой круглый шар из веточек. Качается под ветром на самом верху. Может, это дом Кра и Мартины? Правда, я никогда не видела, чтобы туда залетали хоть какие-нибудь птицы. Видимо, зимой они в гнёздах не живут.

Я решила после школы проследить за воронами. Куда они полетят, когда наедятся? Может, приведут меня к своему гнезду? Еле-еле я досидела до конца уроков. На последнем, уроке физкультуры, не смогла прыгнуть в высоту, четыре раза разбегалась и останавливалась перед планкой как вкопанная.

Физрук, Василий Александрович, не выдержал и крикнул:

– Юля? О чём ты думаешь?

А мальчишки даже начали смеяться. Но мне было всё равно, меня заботила другая проблема: где гнездо у Кра и Мартины?

Вороны встретили меня на лужайке. Я вытоптала в снегу площадку, выгребла туда кашу из контейнера с вороньим обедом, отошла в сторонку и стала ждать.

Кра набил себе полный рот – так, что у него под клювом отвис мешочек. Потом подбежал к дереву

и начал засовывать кашу в щель между корней. Он старательно пропихнул еду поглубже, а затем нашёл коричневый сухой листик и прикрыл им свой тайник. Мартина в это время глотала кашу, не останавливаясь. Потом Кра собрал все орешки, аккуратно сложил их стопочкой один на другой, подхватил всё в клюв и понёс прятать под другое дерево.

Когда на снежном пятчке стало пусто, вороны подошли поближе ко мне на дорожку. Подошли и смотрят на меня выжидающе. Так и стояли мы, глядя друг на друга, я даже стала замерзать.

– Всё, – сказала я наконец воронам. – Всё съели, у меня больше нет ничего, – и даже покрутила в воздухе растопыренными пальцами, чтобы видели – ничего больше нет.



Вороны будто поняли, сорвались и полетели. В разные стороны! Я побежала за Кра. Чтобы не потерять его из виду, я под ноги не смотрела. Помчалась по сугробам через всю лужайку до соседней улицы. В ботинки тут же набился снег, два раза я упала, но успела заметить, как Кра скрылся за углом.

За углом у аптеки я ещё видела его силуэт, но когда перебежала через дорогу, в небе кружило несколько ворон, и догадаться, кто из них Кра, уже было невозможно.

– Где ты так долго? – напустилась на меня дома мама. – Я специально пришла в обеденный перерыв, чтобы тебя накормить. Ты же только размажешь суп по тарелке, а потом скажешь, что уже поела!

Мне нечего было ей ответить, потому что иногда такое случалось. Если на обед был противный рассольник. Я разулась, вокруг моих ног растеклись на полу лужи растаявшего снега.

– И ноги промочила! – воскликнула мама. – Что же мне с тобой делать?! Всё, ухожу, у меня уже нет времени. Немедленно надень бабушкины верблюжьи носки, поешь и сделай себе горячий чай. С малиной! – крикнула она, уже захлопывая за собой дверь.

Я пошлёпала на кухню, села перед тарелкой с супом и подумала, что в следующий раз надо бежать за Мартиной. Она наверняка полетит в своё гнездо.

Глава третья

Как и ожидалось, за контрольную по математике я получила два балла. Казимира выдала мне тетрадку с такой тоской и печалью в глазах, будто это она

сама написала напротив каждого ответа знаки вопроса и сама не знала, как это получилось.

– Кошкина, скажи, пожалуйста, маме, пусть она мне позвонит. Мне бы хотелось с ней кое-что обсудить.

Знаем мы это «кое-что». Ещё в сентябре, когда начался пятый класс и у нас появились разные учителя, а Казимира стала классной, она вызвала моих родителей «кое-что обсудить». После этого мама стала рассказывать, как она в семь лет зачитывалась книжкой «Карликания и Аль-Джебра»*, как в школе занималась в математическом кружке, как побеждала на олимпиадах и какая математика интересная наука.

А папа стал каждый вечер после работы со мной делать домашние задания. Это было ужасно. Папа страшно огорчился, когда я не понимала, хлопал ладонью по столу и говорил: «Это же элементарно!», а я от такого совсем переставала соображать.

Потом была тема на повторение, и я случайно, сама не знаю как, получила по контрольной четверку.

Папа обрадовался, сказал:

– Вот видишь! Молодец! Если регулярно заниматься математикой, всё получится. Дальше сама. Продолжай в том же духе.

И умчался дописывать срочную статью в какой-то очень важный научный журнал.

Но у меня всё равно ничего не получалось.

Когда я видела цифры и числа в учебнике, на меня нападало глубокое уныние. А потом мы начали проходить какие-то буквы, которые на самом деле не буквы, а числа. Тут мои мозги напрочь отключались.

* Имеется в виду книга: Левшин В., Александрова Э. «Путешествие по Карликании и Аль-Джебре» (1967), которая в увлекательной форме знакомит школьников с миром чисел. (Прим. ред.)

Брела я домой грустная. Думала о том, как много на свете вещей, которые могут испортить человеку жизнь, и совсем забыла о воронах. Вдруг – шлёп! – кто-то легонько стукнул меня по голове. А потом ещё раз посильнее – шлёп!

Тётенька из соседнего подъезда закричала:

– А-а-а-а! Беги! Она на тебя нападает!

На дорожку передо мной опустился Кра. Мне стало смешно. Он, бедненький, ждал-ждал, когда я положу ему кашу под куст, не выдержал и решил о себе напомнить. Сначала хлопнул по шапке крыльями, а потом оттолкнулся лапками от моей макушки.

– Не бойтесь, – сказала я тётеньке, – это мой дружок.

Я покормила семейку ворон и побежала домой. Ничего! Есть ещё на свете и вещи, которые могут радовать!

Вечером мама долго говорила по телефону с Казимирой. Потом они что-то обсуждали с папой. Потом пришли вдвоём ко мне в комнату. Мама села на кровать и сказала:

– Что же мне с тобой делать?

– Репетитор, – сказал папа, – другого выхода нет.

И мне объявили, что со следующей недели я по вторникам и четвергам должна буду ездить на другой конец города к репетитору, которую звали Надежда Анатольевна, и никакие возражения не принимаются.

Ещё родители говорили, что современному человеку необходимы базовые знания по всем предметам, что математика – царица наук и ум в порядок приводит, но я уже не слушала. Я думала о том, как мне искать дом Кра и Мартины. Решила в воскресенье обойти все

окрестные улицы и посмотреть, есть ли на них гнёзда.

В первый раз мы поехали к репетитору с мамой, и я нервничала.

Ещё один учитель! Я этого не перенесу! А если он узнает, что я совсем не умею эти дурацкие корни находить? И даже таблицу умножения не всю помню?

Мама меня подбадривала, но безрезультатно.

Когда мы ждали автобус, рядом на куст сел Кра. Я его сразу узнала, вернее, он меня узнал, потому что только он меня совсем не боялся и всегда прилетал первый, а затем уже Мартина. И мне стало веселее. Я подмигнула Кра, а он каркнул, будто бы сказал: «Не бойся, прорвёмся!»

Репетитором оказалась невысокая тётенька, Надежда Анатольевна, с пухлыми щеками, и вообще вся мягкая и круглая, как пончик. Встречать нас вместе с ней вышли в прихожую штук десять кошек. Мама попрощалась и уехала, а репетиторша заперла кошек в ванной, усадила меня за стол рядом с собой и стала быстро что-то говорить и записывать в большой тетрадке с пружинкой. Время от времени она спрашивала:

– Понятно?

Я молча кивала. У неё в комнате были обои в цветочек. Я всё занятие рассматривала эти обои, искала совпадения, как один цветочек переплетается





с другим. После урока Надежда Анатольевна оторвала один листок, вручила мне и сказала:

– Вот схема. Выучи, запомни, и квадратные уравнения у тебя в кармане.

А я попросила разрешения переглядить всех её кошек и с лёгким сердцем отправилась домой.

Мои вороны быстро запомнили, что во вторник и четверг я тоже выхожу и дома в определённое время. Я говорила им «привет!», бросала по орешку и бежала на автобусную остановку.

Глава четвёртая

Проблему вороньего дома я так и не решила. Я насчитала пять гнёзд на нашей улице, но птиц рядом с ними ни разу не заметила. Зато у моего Кра объявилась знакомая. Это была маленькая чёрная и лохматая собачка.

Когда я угощала ворон после школы, мимо проходила незнакомая тётенька. Рядом с хозяйкой бежала собачка, вынюхивая что-то на дорожке. Кра не улетел, как обычно, когда к нам приближались чужие люди. Он побежал следом за собачкой и, подпрыгивая, стал дёргать её за хвост.

– Муха! Поздоровайся со своей приятельницей! – сказала тётенька.

Муха не обижалась, только оборачивалась, приседала и виляла хвостиком.

Хозяйка Мухи тоже не обижалась. Засмеялась и сказала мне:

– Они как встретятся, каждый раз так играют!

Я не стала говорить ей, что Кра не приятельница, а приятель. Ворона – она и в Африке ворона. Трудно постороннему человеку разобраться, где мальчик, а где девочка, это только я точно знаю.

Была уже середина марта. В одно воскресное солнечное утро я увидела сороку на берёзе. Она сидела на шарике-гнезде и тщательно запихивала внутрь веточку. Потом к ней подлетела другая, выдернула эту веточку и затолкала свою. Ну вот. Значит, это сорочье гнездо, а совсем не моих ворон. Я поискала в Интернете картинки «сорочье гнездо» – и действительно, эти птицы строят себе домики с крышей для защиты от дождя.

На следующий день я проснулась с больным горлом. Меня знобило, из носа текло. В общем, заболела. Мама измерила мне температуру: тридцать семь и восемь.

– Ох, ну что же мне с тобой делать? – сказала мама, принесла мне чай с малиной, закутала горло колючим шарфом и надела на ноги бабушкины верблюжьи носки.

Эти носки были бабушкины в том смысле, что она где-то купила верблюжью шерсть, сама спряла нитки и связала носки. Бабушка подарила на позапрошлый Новый год каждому по паре – мне, маме и папе. У нас они считались главным лекарством от простуды – «бабушкины верблюжьи носки». Мои были с красными и синими полосочками на резинке.

– Лежи, не вставай, – приказала мама, – после обеда я приду и вызову врача.

Болезнь было очень скучно. Я лежала и смотрела в окно, где на берёзе сороки ремонтировали свой круглый домик. Птицы запихивали веточки, те выпадали, сороки психовали и трещали друг на друга. Кто-то из них постоянно выдёргивал засунутые подружкой или другом веточки и переделывал всё по-своему. Потом они улетели, а меня сморил сон.

Когда я проснулась, то увидела, как на сорочьем гнезде сидят Кра и Мартина и старательно разбирают крышу! Вот, лентяи такие, не захотели строить сами и решили отобрать сорочий дом.

Сороки сидели рядом на дереве. Они не сутились и не стрекотали. Только нервно перепархивали с ветки на ветку. А мои вороны молча растаскивали чужую крышу. Конечно, вороны ведь строят себе дома без крыш. Потом Кра и Мартина устали и улетели

куда-то. Сороки заглянули в своё жилище, посидели там и тоже улетели.

Я даже обрадовалась, что болею, не нужно ходить в школу и можно проследить, чем всё это закончится.

Противостояние длилось пять дней.

Каждое утро Кра или Мартина забирались в гнездо, а осмелевшие сороки налетали и пытались выпроводить оттуда чужаков. Ворона не выдерживала и бросалась на сороку, а та улетала, делала круг и снова опускалась на ветку рядом с гнездом. Так они и сидели на берёзе, гневно глядя друг на друга. Потом всё начиналось сначала. Птицы не дрались, а выжидали, кто кого пересидит.

Война происходила по утрам и продолжалась примерно час. Затем обе пары разлетались по делам. Ну, понятно. Война войной, а обед по расписанию. До вечера к гнезду уже никто не приближался. В конце концов победили сороки. Последние три дня, когда я уже шла на поправку, вороны не прилетали. А сороки за это время починили разодранную крышу.

Глава пятая

Наконец, окончательно выздоровев, я отправилась утром в школу. Приготовила моим воронам шикарный завтрак. В кашу добавила изюм и косточки от курицы, которую мама вчера запекла в духовке, потому что жареного птицам тоже нельзя. Но ни Кра, ни Мартину у подъезда не было.

Я постояла, покаркала, покурлыкала, вывалила всю еду из контейнера на проталину, где уже пробились первая чахлая травинка. Никого. Неужели они меня забыли за полторы недели? Так было обидно, что я опять опоздала на первый урок.



На обратном пути, как только я вышла из автобуса, услышала знакомое «кра-кра-кра!». Ну, конечно, это мой дружок! Мне кажется, я его голос уже отличаю от голосов других ворон. Потом Мартина каркнула мне, потоньше и понежнее. Вороны сидели на остановке на крыше и смотрели на меня.

– Здравствуйте, мои лапочки дорогие! – сказала я. – Сейчас-сейчас. – И полезла в рюкзак.

И тут вспомнила, что еды у меня нет. Всё выложила утром.

– Подождите, не улетайте! – крикнула я воронам и помчалась в продуктовый магазинчик возле остановки.

Как хорошо, что у кассы не было очереди. Я купила пачку нежирного творога, потому что жирного птицам тоже нельзя, и выбежала на улицу. Умные вороны меня ждали. На радостях я отдала им всю пачку.

На угощение слетелись ещё штук пять других ворон, два грача и несколько галок. Кра, тоже, наверное, на радостях, расщедрился, не стал прогонять птиц и поделился с ними творогом.

Потом начались весенние каникулы. В четверти мне жалостливая Казимира поставила тройку, хотя дела с математикой у меня ничуть не улучшились.

У меня скопилась целая пачка схем от репетиториши. Я безрадостно смотрела на эту кучу цифр и букв – никаких уравнений и неравенств «у меня в кармане» не было. Зато на занятиях я выучила наизусть все цветочки на обоях. Хорошо, что Надежда Анатольевна перестала запира́ть своих кошек. Я тихонько шевелила под столом ногой, а кошки ходили кругами, тёрлись о неё и нападали мягкими лапками.

Я каждое утро выходила на улицу к воронам. Боялась, что они забудут меня и улетят куда-нибудь в другое место. Через некоторое время Кра стал приходить ко мне один, без Мартины. Это показалось очень странным. Однажды мне всё-таки удалось проследить его полёт, после того как он набил полный подклювный мешок каши. И – какая удача! Я обнаружила их гнездо! От зависти я даже немножко позеленела...

Кра и Мартина устроили себе жильё на торцевой стене нашего дома, у застеклённого балкона на седьмом этаже. Прямо в развилке крепления спутниковой антенны. Большая тарелка антенны закрывала гнездо со стороны балкона, но если спрятаться в уголок за шкафчик и осторожно отодвинуть розовую занавеску, можно было увидеть, что там внутри.

Я дико, бешено завидовала хозяевам этой квартиры. Ведь у нас тоже есть тарелка на балконе. Ну почему бы воронам не поселиться у нас? Я бы наблюдала за ними каждый день, кормила бы от пуза прямо на балконе. Холила бы их и лелеяла, и старалась бы не беспокоить. Ведь неизвестно, кто живёт в этой квартире на седьмом этаже. А вдруг они заметят гнездо и решат от него избавиться?

Появилась у меня новая забота. Выходя на улицу, я проверяла, не отодвинута ли занавеска, которая



скрывала от посторонних глаз гнездо Кра и Мартины. Пока всё было без изменений. А в гнезде появился «хвост». Это значит, Мартина уже сидит на яйцах. Снизу было хорошо видно вороний хвостик клинышком. Если долго стоять, задрав голову, можно было заметить иногда, как хвост шевелится. Это Мартина разминала затёкшие лапки.

Кра регулярно приходил ко мне за едой, потом летел в гнездо. Наверное, он кормил там Мартину, которая сидела на яйцах как приклеенная. Только пару раз за все каникулы я её видела внизу. Она спускалась худая, уставшая и слегка помятая, садилась на уже пробившуюся траву и тихонько кричала. Кра бежал к ней и кормил кашей прямо в клюв, как птенца.

Мартина сразу же улетала наверх, чтобы не оставлять яйца без присмотра ни на минуту. Она оказалась очень ответственной мамой. А Кра взлетал на самую высокую ветку на дерево напротив и внимательно смотрел по сторонам. Как только замечал другую ворону или грача, срывался с места и с громким карканьем отгонял чужака. Гнал его до соседней улицы и только потом возвращался обратно.

Глава шестая

Каникулы пролетели моментально, и у меня уже не было столько времени караулить ворон под чужим балконом. Мне так хотелось подняться на седьмой этаж в ту самую квартиру, но я боялась. Что я скажу? «Здравствуйте, у вас живут мои вороны?» А если эти люди понятия не имеют, кто у них поселился на антенне? А если им не понравится такое соседство? Страшно было подумать.

Я часто слышала, как взрослые говорили, что вороны вредные и едят певчих птиц. Глупости какие! Ни разу я не видела, чтобы Кра или Мартина гонялись за маленькими птичками. Зато однажды видела, как Кра гоняли дрозды. И не просто гоняли, а чуть не побили.

У дроздов тоже было гнездо неподалёку на дереве. А как же! У каждой нормальной птицы весной должно быть гнездо, которое нужно защищать. Когда я проходила мимо, дрозды летали надо мной и грозно трещали.

Один раз Кра прискакал за очередным угощением, и на него набросились две маленькие бешеные трещотки. Они пикировали сверху, лупили крыльями и тархтели в оба горла, не давая вороне ни на ветку сесть, ни на землю спуститься. Кра не стал с ними драться, хотя он был намного крупнее и сильнее.

Один клюв чего стоил! Крепкий, горбатый. Кра своим клювом раскалывал грецкие орехи, которые я ему давала целиком. Придавит орех лапой к земле, тукнет несколько раз в полоску, которая разделяет две половинки, – и готово! Потом клювом, как щипцами, вынимает ядрышко.

А когда на него напали дрозды, Кра даже не ругался. Приседал, «прижимал уши» и отпрыгивал в сторону. В конце концов дрозды поняли, что вороне до них дела нет, и только потрескивали иногда со своей ветки.



Однажды Кра, как всегда, опустился передо мной на дорожку, получил свою порцию, набил полный подклювный мешок. Тут к нему из гнезда слетела Мартина, и я поняла, что перепутала птиц.

Потому что из гнезда вылетела вовсе не Мартина, а Кра. Он большеголовый, большеносый и широкий в плечах, а Мартина стройненькая. Различить-то их можно, но только когда они вместе и близко. На груди у Мартины, на манишке, я заметила её отчётливый светлый воротничок, который не исчезал, как бы ворона не ерошилась.

Значит, отец семейства сидел на гнезде и грел своих будущих детей. Вот молодец какой!

Через пару дней я увидела, как Кра собирал одуванчики. На лужайке их выросло уже видимо-невидимо. Кра перекусывал стебелёк и бегал по траве с цветком во рту. Будто хотел порадовать свою Мартину. Но увидел меня, застеснялся и улетел на крышу.

Я решила, что воронам после зимы не хватает витаминов. «Весенний авитаминоз» – так всегда говорила мама, когда пичкала меня приторно-сладким сиропом из шиповника. Мама не признавала витаминов в таблетках и всё время подсовывала мне какие-нибудь «витаминные» фрукты или овощи. При этом приговаривала:

– Ешь, тут витамины (А, В, С, Д и так далее) прямо кишат!

Я представляла себе яблоко, кишашщее витаминами, и есть мне его уже не очень хотелось. Но своим птицам порезала на кусочки и яблоко, и морковку и красный перец. Разложила перед Кра.

Он потюкал всё по очереди. Пощёлкал клювом, будто причмокивая, смешно потряс головой. Я так делаю, когда что-нибудь очень кислое на язык попа-

дается. Потом Кра выбрал кусок яблока и улетел на дерево, а за остальным не вернулся. Наверное, в одуванчиках витаминов кишело больше.

Мартина больше не сидела в гнезде, носилась вместе с Кра и даже поджидала меня после школы уже на самой остановке автобуса. Я сразу её узнавала по белому воротничку. Наверное, уже вылупились птенцы. Как же мне хотелось их увидеть. Хоть одним глазком!

Глава седьмая

Прошли майские праздники. Солнце припекало из всех сил. Ослепительно синело громадное, просторное небо над головой. Ни единой тучки, только стайки стрижей с криками чертили в воздухе свои спирали. Умопомрачительно пахло свежескошенной травой на лужайке. У нас её стригут тарахтящими газонокосилками раз в неделю, но трава очень быстро вырастает мне по колено.

После школы, как обычно, я торчала под балконом с вороньим домом, задрав голову. Мартина сидела на краю гнезда кверху хвостом и копошилась там внутри. И тут в просвете мелькнула маленькая головка, мотающаяся на тонкой шейке! Есть! Воронёнок! От восторга я даже оцепенела. Я так радовалась, что не увидела, как из подъезда вышла соседка с собачкой Мухой и остановилась рядом.

Хозяйка Мухи постояла, понаблюдала мой радостный столбняк и сказала:

– Это наш балкон. Там воронята.

У меня дыхание перехватило.

– А сколько? – спросила я почему-то шёпотом.

– Четверо!

Это была невероятная, невообразимая удача! Добрая, замечательная Татьяна Ивановна с самого начала строительства гнезда наблюдала за моими воронами и даже подкладывала им на карниз еду. А я, глупая, боялась, что их кто-то может обидеть.

Татьяна Ивановна пригласила меня к себе посмотреть на птенцов. Она рассказала, что вороны построили себе жильё буквально за два дня. Это было для неё большой неожиданностью, но такому соседству даже обрадовалась.

Рассказала, как переживала, когда однажды четыре голубоватых, с бурыми пятнышками яйца остались без присмотра – вороны улетели по делам, бросив их в холодный день под мокрым снегом. Как боялась, что яйца погибли. Как потом ворона-мама сидела, грела их, а ворона-папа прилетал каждые два часа её кормить. Как вылупились воронята. Один за другим, розовые, голые, с чёрными шариками закрытых глаз на тяжёлой голове.

Я осторожно пробралась на балкон и отодвинула занавеску. Как я мечтала об этом моменте, простаивая часы под вороньим гнездом! Я с замирающим сердцем заглянула в него. Воронята были ещё страшненькие. Но уже не голые, с маленькими трубочками будущих перьев на тёмной морщинистой коже. Головёнки большие, длинные, из-за больших клювов какие-то «крокодилистые».

Четыре воронёнка сердито смотрели на меня узкими, только открывшимися глазками, но не пугались. Их ещё никто не научил, что людей нужно бояться. Потом прилетела Мартина и начала их кормить. Она засовывала еду им прямо в глотку. И как только умещался там её большой нос?



Я тихонько отползла с балкона, чтобы не тревожить птиц.

С Татьяной Ивановной мы договорились, что я буду приходить к ней смотреть птенцов, а она будет сообщать, если что-то новенькое произойдёт. Для этого я записала ей на бумажке свой номер телефона.

Домой я летела как на крыльях и даже нисколько не огорчилась, когда мама меня отругала за опоздание. Я её обняла, затанцевала и пропела:

– Прости, прости, я больше не буду! Я просто считала ворон!

Мама только рукой махнула и убежала снова на работу.

Когда я пришла к Татьяне Ивановне в воскресенье, воронята были уже пушистенькие, все в пёрышках. Нас они совершенно не боялись, таращились голубыми любопытными глазками, чистили перья, растопыривали куцые крылышки и топтались друг у друга по головам. После кормёжки моментально засыпали, свесив головы на край гнезда. Прямо как увядшие цветы в широкой вазе.

Глава восьмая

Воронята росли и хорошели. Гнездо им стало тесновато, и снизу было видно, как они свешиваются с края и разглядывают мир вокруг. Я только подумала, что не ровён час кто-нибудь вывалится, как на следующий день утром получила от Татьяны Ивановны сообщение: «Вчера они ещё все были на месте, а сейчас я одного недосчиталась». Я схватила рюкзак и немедленно помчалась на улицу.

– Юля! А завтрак?! – крикнула мне вдогонку мама, но я уже захлопнула дверь и рванула по ступенькам, не дожидаясь лифта.

Ни на тротуаре, ни в палисаднике под балконом птенца не было. Я заглядывала под кусты, шарила в траве, которая уже буйно разрослась на лужайке, – никого. С ужасом вспомнила, что в этом подъезде жил громадный, толстый рыжий кот. Хозяйева его часто выпускали погулять на улицу. Маленький птенец, ещё не умеющий толком летать, для такого кота – на один коготь и один зуб.

Кра и Мартина ко мне не прилетели. Их тоже нигде не было. Я всё бродила кругами по лужайке и никак не решалась уйти. Мне всё казалось, что вон там, за поломанной веткой, сидит что-то похожее на воронёнка. Но вместо птенца я находила то камень, то скомканный носок, то коробочку из-под духов или черный полиэтиленовый пакет.

Тут зазвонил телефон. Это была Ленка.

– Ты с ума сошла? Куда пропала? Казимира вне себя, сегодня же была итоговая контрольная!

Кошмар! Я обо всём на свете забыла. Сегодня на первом уроке была годовая контрольная по математике. Казимира просила, просто умоляла меня написать её хотя бы на тройку. Я посмотрела, который час. Всё пропало. Еле-еле успеваю на второй урок.

Когда я со звонком прибежала на географию и села за парту, Ленка ничего мне не сказала, только смотрела скорбно, будто у меня выпали все волосы на голове.

Хорошо, что Казимиры уже не было, она уехала по каким-то делам, и мне не пришлось с ней объясняться. После уроков Ленка наконец не выдержала:

– Ты понимаешь, что тебя могут оставить на второй год? Где твои мозги?

Я пожала плечами и не стала ей ничего рассказывать. И так на душе кошки скребли. Она, похоже, обиделась. Ну и ладно.

По дороге домой я ещё раз обшарила лужайку. Прилетели Кра с Мартиной и стали на меня орать. Охраняли они пятачок вокруг старого каштана, метров пять в диаметре. Как только я приближалась, бросали в меня мелкие веточки. Ну, всё правильно. Ребенка, пока он плохо летает, нужно защищать. Так я и не увидела его в высокой траве и быстро ушла, чтобы не тревожить родителей. Появилась надежда, что слёток жив и здоров.



Когда я пришла домой, мама стояла за дверью, будто караулила меня с самого утра. Она уже всё знала.

– Юля! Ты можешь мне объяснить, что случилось? – воскликнула она. – Как ты могла прогулять урок? Тем более такую важную для тебя контрольную?

– Я искала воронёнка, – выдавила я из себя, понимая, как это глупо звучит с точки зрения мамы.

– О боже, – схватилась мама за голову. – Что же мне с тобой делать?!

Потом всё было плохо. Папа и мама по очереди читали мне нотации. Они говорили, что нельзя быть такой безответственной и несобранной. Что в школе я учусь для себя, а не для них. Что без среднего образования мне в жизни будут закрыты все дороги и ещё много всякого. Я молча слушала и кивала. Мне хотелось стать маленькой-маленькой, залететь в воронье гнездо, закрыть глаза, заткнуть уши, чтоб ничего не видеть и не слышать.

А птенцы заметно выросли, даже трубочек под перьями не было видно. Почти готовые вороны, только маленькие, и вид у них был детский, глуповатый. Я сказала Татьяне Ивановне, что, наверное, малыши скоро начнут сыпаться один за другим и чтобы она держала меня в курсе.

Три дня я безуспешно искала воронёнка-первенца в траве и под кустами. Я очень боялась, что скоро начнут стричь траву на газоне, и эта жуткая тархтелка наедет на беспомощного птенца.

Кра и Мартина ещё покрикивали на меня, когда я шуршала в траве, но как-то вяло и неубедительно. А дома в открытое окно время от времени доносился вороний крик. Я такого раньше не слышала. Протяжно

и жалобно, будто зовут по имени: «Кря-а-а? Кря-а-а?! Ты где?» Мысль о том, что это родители плачут по пропавшему ребёнку, я изо всех сил старалась прогнать. Но слышать это было невыносимо.

Глава девятая

Вопрос с математикой и моим переводом в шестой класс решался на педсовете. Всё решался и никак не мог разрешиться. До конца учебного года оставалось четыре дня. Мама и папа ходили по квартире тихие, строгие и сумрачные, как у постели безнадежного больного. Мне тоже было невесело.

Я бегом кидалась выполнять все мамины просьбы помочь по хозяйству. Загружала стиралку, мыла посуду, пылесосила. Наверное, напоминала ей за все прошлые годы и ещё на много лет вперёд.

В субботу мама отправила меня в магазин. Я шла по улице, повторяя про себя: «хлеб-молоко-масло-сыр, хлеб-молоко-масло-сыр...». На зелёном газоне шныряли птички. Вперемежку бегали серенькие скворчата и рыженькие дрозды. Взрослые дрозды и скворцы кормили своих детей и не ссорились между собой.

Вдруг на асфальтовой дорожке я увидела махонького жёлтенького синичьего слётка. Он прыгал-прыгал и заскочил прямо на канализационную решётку. Я только успела подумать: «Кошмар, он же сейчас провалится!» Синичонок прыгнул – и исчез! Провалился.

Я подошла, заглянула. Сидит, дурачок такой, смотрит на меня. Яма там была небольшая, в полметра глубиной. Я присела, просунула руку сквозь решётку, а рука до птенчика не достаёт, решётка не пускает. Я попыталась её поднять – не получается. Тут ко мне

подошёл мальчишка с собачкой на поводке.

– Ты что тут делаешь?

– Да вот, слёток синичий в люк упал.

– Что, правда, что ли?

– Сам посмотри.

Мальчишка оставил собаку, заглянул в яму, подёргал решётку.

– Не выйдет, она приварена.

– Сачок какой-нибудь надо, – сказала я.

– Сейчас, – сказал мальчик, – я домой сбегаю, собаку отведу и принесу что-нибудь. Только не уходи никуда!

А куда я уйду, когда синичонок сидит на дне ямы и смотрит на меня своими чёрными бусинками?

Мальчишка вернулся быстро. Принёс палку с прикрученным к ней проволокой полиэтиленовым пакетом. Стали мы с ним на коленки и начали птенца в пакет загонять. Синичонок испугался и всё время упрыгивал. Долго мы мучились. В конце концов накрыли синичьего ребёнка пакетом, подгребли внутрь палочками и вытащили наружу.

Я отнесла дурачка с дороги и посадила на веточку куста сирени. К нему тут же с писком прилетели родители-синицы. Мы отошли подальше, постояли, посмотрели на них.

– Юра, – вдруг сказал мальчишка. – Я вон в том доме живу. А ты?

– Юля. И я в том доме живу!

Оказалось, мы соседи. Только он из второго подъезда, а я из пятого. Я узнала ещё, что Юра учится



в физико-математической гимназии, которая за углом, напротив аптеки, и уже переходит в седьмой класс. Странно, на класс старше меня, а такой мелкий, на целую голову ниже. Хотя я в строю на физкультуре стою всего лишь третьей от конца.

– Хорошо, что тут кошек нет, не слопают птенца, – сказал Юра. – Есть один рыжий Барсик, но он ленивый и добрый. Я сам видел, как ворона у него из хвоста шерсть щипала, а он даже не пошевелился.

И я рассказала ему про Кра, Мартину и воронят. Даже не знаю, почему меня вдруг прорвало.

– Что, правда, что ли? – не поверил Юра.

Я пообещала сводить его к Татьяне Ивановне, чтобы своими глазами посмотрел. И тут я на дорожке увидела маму.

– Это просто невыносимо! – сказала мама. – Я жду тебя с хлебом уже сорок минут!

Юра немедленно испарился, а мы с мамой пошли в магазин. Мама со мной не разговаривала, только тяжело вздыхала время от времени.

А я думала: вот удивительно. Юра такой же технарь, как и Ленка. Физико-математическая гимназия – это же вообще заумь невозможная. Но птиц любит, ворон и кошек замечает, птенцов хочет посмотреть. Жалко, что мы раньше не встретились.

Глава десятая

Когда я возвращалась из школы, увидела Юру. Он ходил туда-сюда вдоль нашего дома.

– Ну что, идём? – спросил он.

– Куда?

– Воронят смотреть. Ты же обещала. Я уже целый час тебя поджидаю.

Татьяна Ивановна открыла дверь. Мне показалось, она меня не узнала. Возле уха она держала мобильник.

– Извините, – сказала я. – Это Юра, сосед. Можно, он тоже воронят посмотрит?

– Конечно-конечно, – рассеянно пробормотала Татьяна Ивановна и ушла на кухню. Я услышала, как она сказала в телефон: – Я приеду. Я не смогу сидеть тут сложа руки. Я просто не выдержу.

Мы с Юрой прошли на балкон. Три оставшихся воронёнка смирно сидели в гнезде. Какие же они хорошенькие! Прилетела Мартина, покормила одного птенца. Он так смешно говорил «ням-ням-ням-ням!», когда она заталкивала ему в клюв еду. Потом Мартина положила кусочек чего-то на дно среди веток, и воронята засуетились, стали шарить клювиками и пытаться клевать. Они толкались и залезали друг другу на головы.

Юра смотрел на них, лицо у него стало таким детским, как у первоклассника. И я поняла, какая глупая улыбка расплзается у меня на лице, когда я кормлю ворон.

– Слушай, – сказала я, – ты какой-то маленький для седьмого класса...

– А я сразу во второй пошёл, – ответил Юра. – В шесть лет. Типа вундеркинд, – и засмеялся, легко так, будто сам удивлялся: и надо же было такую ерунду придумать?

Я подумала, какой же он вундеркинд, нормальный пацан.

Мы с Юрой приходили к Татьяне Ивановне каждый день. Она была какая-то печальная и задумчивая, казалось, вообще нас не замечала.

На четвёртый день под спутниковой тарелкой остался последний птенец. Он сидел на самом краешке гнезда и с тоской всматривался в небо. Двоих вылетевших братцев найти на лужайке мы с Юрой не смогли. А на следующий день вылетел последний. И тоже будто испарился.

Потом я получила от Татьяны Ивановны СМСку: «Юлечка! Приди, пожалуйста, нужно поговорить».

Мы пришли вместе с Юркой.

– Деточки, – сказала Татьяна Ивановна, – у меня большая проблема. Может, вы поможете? У меня родился внук.

– Поздравляю, – сказал вежливый Юрка.

– Спасибо, – машинально ответила Татьяна Ивановна, – только он родился раньше времени, недоношенный, очень слабенький. Завтра их выписывают, я должна поехать к дочке. Ей нужна моя помощь. Хоть на две первые недели, они самые важные. Но вот что делать с Мухой? С собой я ее взять не могу.

– Нет проблем, – сказал Юрка. – Я свою Тяпу три раза в день выгуливаю. Где одна собака, там и две. Хоть десять!

– Я заплачú, – сказала Татьяна Ивановна.

– Не надо, – засмеялся Юра. – Тогда вам нужно было продавать нам билеты за просмотр воронят.

В общем, мы договорились. Татьяна Ивановна дала нам ключи от квартиры, чтобы мы выгуливали Муху, насыпали ей еду из большого пакета с сухим кормом и меняли воду в мисочке.

Так мы стали присматривать за Мухой. Ровно в восемь часов я прибежала домой к Татьяне Ивановне, насыпала корм, наливала свежей воды и забирала Муху. У подъезда меня уже ждали Юрка с Тяпой.

Собачки в первый раз немного порычали, потом обнюхались и дружно побежали метить кусты на лужайке, виляя хвостиками. У меня чёрненькая Муха, у Юрки – беленькая Тяпа. Иногда они затеивали игру, напрыгивали друг на друга, хватали за уши и хвосты и крутились волчком. Но не злобно, весело.



– Инь и ян, – говорил Юрка. – Единство и борьба противоположностей.

И откуда он всё это знает?

О воронах мы не забывали. Я приносила кашу, Кра и Мартина спускались за угощением с деревьев, не ругались и не бросались сухими ветками. В очередную нашу прогулку я вдруг услышала сверху такое знакомое птенячье «ням-ням-ням-ням!» Еле высмотрела, как на уровне пятого этажа в густой листве на дереве мои вороны кормят птенчика!

Я стала шарить глазами по веткам и на соседнем дереве увидела другого. Он сидел, тряс крылышками и тоненько каркал. Вот это жалобное карканье, которое целую неделю разрывало мне сердце, оказалось просто карканьем голодного воронёнка! Это он звал маму и папу: «Кря-а-а? Кря-а-а?! Вы где?»

Я толкнула Юрку так, что он чуть не упал.

– Смотри! – зашипела я.

– Ух ты! – прошептал Юрка, всматриваясь в листву. – Вижу!

Глава одиннадцатая

Назавтра Юра пришёл с большим чёрным биноклем, который висел у него на шее на широком ремне.

– Вот. Будем воронят искать, – сказал Юрка, прижимая бинокль к животу. – Только осторожно. Брат сказал, если сломаем, он мне голову открутит.

Оказалось, у Юрки есть брат, совсем взрослый, на тринадцать лет старше. Бинокль этого брата был очень тяжёлый, мы его долго настраивали, но в конце концов выяснили всех четверых деток Кра и Мартины!

Всех нашли высоко, на разных деревьях, они перепрыгивали с ветки на ветку, не спускаясь вниз. Какие умные оказались птенцы! Гнездо ведь было на большой высоте, седьмой этаж – не шутка. И воронята

не стали слетать на землю, подождали, пока окрепнут крылья, а потом перелетели сразу на деревья. Так и сидели там всё это время.

Конечно, наверху безопаснее и можно не бояться котов, собак и газонокосильщиков. А я, глупая, бродила, не поднимая головы, искала их под кустами и нервничала. Один воронёнок всё-таки раз спустился побродить по травке, но увидел Тяпу и шустро упорхнул вверх.

Кра и Мартина перелетали следом за нами по веткам и каркали для порядка. Тут к ним присоединился вороний ребёнок в серой детской курточке без чёрной манишки, сел рядом с Мартиной и тоже начал ругать



нас тоненьким голоском. Вот такой храбрый мамин помощник!

Но не всё было так хорошо и радужно. Учебный год закончился для меня плохо. В шестой класс меня всё-таки перевели, но перевели «условно». Всё из-за математики. Несмотря на то что по биологии, и по русскому, и по рисованию, и даже по географии у меня были одни сплошные пятёрки. Условие было такое: всё лето я занимаюсь, а двадцать восьмого августа пишу контрольную по всем темам сразу. Что-то вроде экзамена.

После линейки нас завели в класс и Казимира стала вызывать всех по очереди и вручать табели. Меня она не вызвала. Ленка вернулась за парту, сложила стопочкой свои грамоты за отличную учебу и сказала мне:

– Ну всё. Ничего ты в августе не сдашь и останешься на второй год!

Тоже мне подруга, утешила. Могла бы сказать, как Кра: «Ничего, прорвёмся». Я пожала плечами, посмотрела Ленке в глаза и сказала громко:

– Кар!

Ленка покрутила пальцем у виска и пересела от меня на другую парту, к старосте класса Шумаковой.

Дома мне снова читали нотации, но не долго, потому что у мамы и папы начался какой-то ответственный эксперимент. Они пропадали в своём институте до позднего вечера и страшно уставали.

Мама сказала:

– В отпуск мы не едем, у нас сложный период на работе. К бабушке ты не поедешь, она эти два месяца будет лечиться в санатории. Всё лето в твоём распоряжении. Надежда Анатольевна уже не берёт

учеников, поэтому будешь заниматься сама. Твоя математика – это только твоя ответственность.

Я молчала.

– Ох, что же мне... – начала опять мама.

– Не надо со мной ничего делать, – перебила я её. – Я буду заниматься сама!

Мама посмотрела на меня устало и сказала:

– Хорошо бы так...

Я ушла в свою комнату и достала листочки от Надежды Анатольевны. Разложила перед собой на столе. Опять накатила тоска. Но я твёрдо решила, что буду заниматься каждый день по четыре часа. Как в школе. Потом подумала, что двух часов будет вполне достаточно. Листочков-то всего двадцать. Вот проверю завтра утром воронят и усядусь за математику.

Глава двенадцатая

На лужайке нас с Юрой встречала уже целая банда в шесть ворон. Воронята осмелели, стали всей компанией расхаживать по газону – учиться искать еду. Кра и Мартина по очереди их кормили. Птенцы с воплями бегали за родителями, раскрыв клювы и растопыбив крылышки. Это было уморительное зрелище. Между ними шныряли скворчата, дрозды и взрослые птицы. Вороны внимания на них не обращали.

Целый день мы с Юркой шатались на улице и болтали. Тяпу и Муху выгуляли пять раз. Нашли в траве дроздёныша. Он сидел совершенно неподвижно, глазки были закрыты. Я даже испугалась, что он больной или даже умер. Подошла к нему вплотную, присела – сидит. Вдруг птенец вытаращил на меня глаза, оцепенел секунды на две, потом запищал как сумасшедший

и упорхнул на кустик. Оказалось, он просто спал, пригревшись на солнышке.

– Балбес, – сказала я ему, – тебе ещё повезло, что я не кошка.

Вечером я вспомнила про математику. Было уже поздно, хотелось спать. Я решила всюду носить с собой репетиторские листочки. Чтобы не бежать домой, а заниматься каждую свободную минуту. Но свободных минут почему-то не было.

Вдоль нашей улицы через дорогу находился парк, за ним речка. Мы бродили по парку, и я Юрке показывала птиц. Он хоть и вундеркинд, но в птицах разбирался ещё хуже, чем я в уравнениях. Грача от галки не мог отличить! А мелкие птицы были для него все одинаковые: «Похожа на воробья, но другая».

И я рассказала ему, что даже воробьи у нас разные: домовый и полевой. Рассказала, как полевой воробей выбрался из деревни в город, нарядился и украсил себя чёрными пятнышками на щёчках. Это нам учительница по биологии говорила. Ещё я показала Юре, чем отличается певчий дрозд от дрозда-рябинника.

Мы даже увидели одного белобровика. Юра не понял, почему я ору и пыгаю от радости. А ведь дрозд-белобровик у нас редкая птица, очень пугливая и осторожная. Его не часто случается заметить. И белых мухоловок видели, и трясогузок, и сойку. Когда она громко и резко скрипнула, Юрка подпрыгнул: он не знал, что у сойки такой пронзительный голос.

На реке я показала, как ныряет за рыбой изящная острокрылая крачка. Летит высоко над водой, потом – раз! – вертикально вниз, и уже взмывает с рыбкой в длинном красном клюве. Ещё нам очень повезло, и мы увидели, как пьют стрижи. Налетела





стаяка и пронеслась на бешеной скорости над самой водой, подхватывая клювами капельки.

Когда мы после прогулки завели Муху домой к Татьяне Ивановне, Юрка спросил:

– Что это ты весь день в сумке носишь?

– Математику, – ответила я.

– Зачем?

Мне не хотелось признаваться, но я всё-таки сказала:

– У меня двойка в году. Я годовую контрольную прогуляла.

– Что, правда, что ли? – не поверил Юрка.

– Я самого первого воронёнка искала. Теперь в августе надо переписывать.

– Подумаешь, проблема! Перепишешь. Ты ведь сечёшь?

– Не секу, – буркнула я себе под нос. – Совсем. Я даже три месяца к репетиторше ходила...

– И как?

– У неё десять кошек и обои в цветочек. Вот и всё, что я помню по математике. И ещё это.

Я вынула из сумки пачку листочков. Юра стал их перебирать.

– Класс! Толковые шпоры. Прекрасно структурировано. Лучше, чем в учебнике. И что тебе тут непонятно?

– Всё.

– Что, правда, что ли? Ну ты даёшь! Я на одном научном сайте читал, что даже вороны математику знают.

Этого я уже не смогла вынести, молча вырвала листочки у Юры из рук, сунула в сумку и направилась к двери. Юрка меня догнал.

– Не дуйся. Честно! Проводили такой эксперимент и выяснили, что они до восьми умеют считать и даже складывать.

И он стал, размахивая руками, рассказывать про этот эксперимент. Перед вороной ставили две закрытые кормушки, на крышке рисовали точки – столько же, сколько в кормушке было кусочков еды. Наверное, это были шарики собачьего корма, вороны их обожают, хоть много давать их птицам нельзя. Между кормушками клали карточку-образец, там было нарисовано столько точек, сколько на одной из кормушек.

Постепенно вороны запоминали, что под карточкой с одной точкой – один шарик, а под карточкой с четырьмя точками – четыре шарика и так далее. И ещё научились выбирать ту кормушку, которую им подсказывали на образце. Если на образце пять точек, вороны открывали кормушку, где на крышке тоже было пять точек.

Потом карточки с точками стали по одной заменять на карточки с цифрами. И вороны запомнили! Поняли, что вот эта закорючка, цифра «два», означает кормушку с двумя точками на крышке и с двумя шариками внутри. Так они выучили цифры от одного до восьми. Дальше начинали путаться.

Но это ещё не всё. Когда на карточке-образце писали, к примеру, цифру шесть, а на кормушках карточки делили чертой пополам и на одной писали 2 и 4, а на другой – 3 и 1, вороны выбирали ту кормушку, где сумма чисел была, как на образце, – шесть!

Это было так удивительно, что я не могла поверить.

Глава тринадцатая

На следующее утро мы выгуляли собак, Юра отвёл Тяпу домой, потом вместе поднялись в квартиру Татьяны Ивановны. Я держала Муху на вытянутых руках, а Юра открывал ключом дверь. Потому что эта неугомонная Муха залезла в лужу и выпачкалась по уши. Я отнесла хулиганку в ванную и вымыла ей лапки.

Тут Юра спросил строго:

– Шпаргалки с тобой?

Я кивнула.

– Не слышу! – крикнул Юрка из комнаты.

– Ну, со мной, – сказала я, выходя с Мухой из ванной.

– Тогда сейчас будем заниматься.

– Вот ещё! – фыркнула я. Чего это он раскомандовался?

– Ты будешь учёным-орнитологом. Это я уже понял, – сказал спокойно Юрка. – А это значит, нужно проводить исследования и записывать данные. И ещё

тыщу раз проводить эксперименты. И все эти тыщи данных и результаты экспериментов нужно уметь обрабатывать, строить графики, выводить формулы законов, по которым они изменяются, чтобы сделать правильные выводы. Без математики – никак! Еще ап... ап... аппроксимировать* – вот!

Я даже не стала спрашивать, что значит это слово. Тоже мне, умник великий. Но подумала и сказала:

– Ладно.

И Юрка стал мне объяснять первую тему. Я смотрела и слушала очень внимательно. Неудобно уже было рассматривать обои, тем более у Татьяны Ивановны они были скучные, в полосочку.

В отличие от Надежды Анатольевны, Юра рассказывал просто, и мне действительно было всё понятно, пока он говорил. Но когда он предложил мне решить самой несколько примеров, ничего у меня не получилось.

– Я всё забыла! – у меня даже голос задрожал от отчаяния. – Когда ты объясняешь, я понимаю, но потом сразу всё из головы вылетает!

– Слушай, – задумался Юрка. – А ты какой тип?

– Сам ты тип!

– Да ладно. Какой у тебя тип памяти?

– Не знаю, – сказала я.

– Как ты учишь стихи? Читаешь много раз про себя, вслух говоришь или бегаешь в это время по комнате? Или, может, тебе надо что-то в руках вертеть?

Я подумала и сказала:

– Картинки рисую.

– Что, правда, что ли? Прикольно.

* Аппроксимировать – сознательно заменять сложные измерения более простыми, исходя из потребности и возможности практики.

– Ну такие, условные, как египетские иероглифы. Стрелочки там, солнышки, рожи-смайлики, птички...

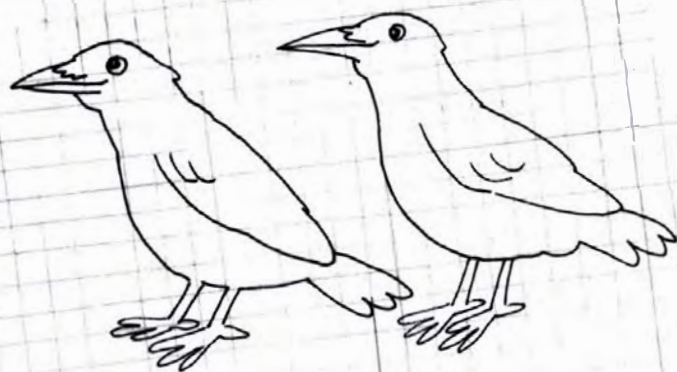
– Прикольно, – повторил Юрка, – в первый раз такое слышу. Раз птички, тогда смотри.

Он стал рисовать на листочке.

– Два в первой степени. 2^1 . Пусть будет это первое поколение ворон. Две взрослые вороны-сестры и больше никого.

Рисовать он совершенно не умел. Я отобрала ручку и тремя штрихами набросала двух нормальных ворон. Юрка написал рядом с моим рисунком: $2^1 = 2$.

– Два во второй степени – второе поколение, их птенцы. У каждой вороны вылупилось по два птенца: $2^2 = 2 \times 2 = 4$. Два в третьей степени – третье поколение, у четырёх птенцов у каждого тоже по два ребёнка. $2^3 = 2 \times 2 \times 2 = 8$. И так далее.



$$2^1 = 2$$

$$2^2 = 2 \times 2 = 4$$

$$2^3 = 2 \times 2 \times 2 = 8$$

$$3^6 =$$

А теперь сама. Есть три вороны-сестрички. Три птицы, у каждой – по три птенца. В шестом поколении, то есть три в шестой степени, сколько будет? Умножаем три на себя сколько раз? Считай.

Я начала умножать, сначала в уме, потом в столбик. Мне даже стало интересно, сколько пра-пра-правнуков будет у этих трёх ворон. И числа и цифры меня уже так не пугали. Юрка ждал. Наверное, он уже давно посчитал, сколько будет, но виду не подавал.

Наконец я показала ответ.

– Правильно, – сказал Юрка. – Видишь, какая большая стая?

Меня осенило:

– А ведь наши воронята – это и есть два в квадрате!

– А ты знаешь, что можно подсчитать, сколько будет ворон от наших Кра и Мартины лет так через десять? Только это будет не простая формула два в десятой степени, а очень сложная. Потому что есть много разных факторов, которые могут повлиять на количество птенцов. Но их все можно выразить математически, даже те, о которых мы не знаем, появятся они или нет. Тут уже теорию вероятностей надо применять.

Мне очень понравилось так заниматься. После этого я легко запомнила, что случается, когда степени умножают и делят. И даже поняла, что такое корни, когда Юрка сказал:

– Извлечение корня – действие, обратное возведению в степень. Знак корня – это скворечник.

– Похож, – кивнула я.

– Было несколько ворон, – продолжал Юра. – Мы не знаем сколько. У каждой вывелось такое же количество птенцов, у тех птенцов – столько же своих



детей и так далее. Всех птенцов последнего поколения запихнули в скворечник.

– Какие вороны в скворечнике? Ты что?

– Ну, не ворон, – согласился Юра. – Скворцов. Но это не важно. Знак над крышей показывает, какое это поколение. Надо узнать, сколько их было во... скворцов.

Посчитай: корень пятой степени из тысяча двадцать четыре.

$$\sqrt[5]{1024}$$

Тут я, конечно, зависла, но Юрка показал мне листочек Надежды Анатольевны.

– Смотри. Вот готовая таблица до десятой степени всех чисел до десяти. Ищи тысяча двадцать четыре под цифрой пять.

Я нашла и ответила правильно.

– А если там в скворечнике под корнем будет тысяча двадцать три?

– Не знаю, – честно признался Юрка. – Этого мы еще не учили. Какое-то число, но не целое, с хвостиком. Но ты не волнуйся, вы этого тоже не учили, на контрольной не попадётся.

Потом Юра достал книжку, которую он принёс с собой, отметил карандашиком и сказал:

– От сих до сих. Вот эти сорок примеров решишь дома и завтра мне принесёшь.

– С ума сошёл! Я никогда за вечер столько не решу!

– А ты не пугайся, они почти все одинаковые.

– А какой смысл решать одинаковые примеры?

– Большой. Решишь все сорок, сорок первый уже с завязанными глазами сможешь решить, даже когда будешь прыгать с парашютом в Тихий океан, – пошутил Юрка.

Глава четырнадцатая

Утром я сунула Юрке исписанную тетрадку.

– Получите и распишитесь. Все сорок.

– Отлично, – сказал Юрка. – Я потом проверю.

Мне даже стало обидно. Я как проклятая сидела над этими примерами весь вечер. Мама звала меня ужинать и не дозволялась. Зашла ко мне в комнату, заглянула в мою тетрадку и на цыпочках вышла. Потом так же на цыпочках вернулась с тарелкой пирожков и тихонько поставила её на краешек стола. Это было что-то из ряда вон выходящее – мама категорически запрещала мне есть в своей комнате, а не на кухне. И папе тоже.

Юрка заметил, что я насупилась, и сказал:

– Не дуйся! Ты молодец. Я и не сомневаюсь, что ты хорошо справилась. Идём, проведем наших ворон, а потом уже будем заниматься.

Мне было приятно, что Юрка сказал «наших ворон», а не «твоих». И Кра с Мартиной его уже запомнили и не боялись. Юрка мне говорил, что, когда

выходил на улицу один, Кра прилетал к нему, каркал и приветственно встряхивал крыльями, хоть еду воронам бросала всегда только я. Юра – ни разу.

Мы пошли на лужайку, но вороны не прилетели. Солнце палило нещадно, хотя ещё было только одиннадцать часов. И ни одной вороны. Мы стояли-стояли, но никто не прилетел, шурша крыльями над головой, как обычно. Никто не каркнул с дерева:

– Кра! Я здесь!

Куда же они все подевались?

Мы пошли к реке, может, хоть утки и чайки своих детёнышей выгуливают, на них можно посмотреть. И на противоположном берегу, на поросшем травкой склоне, мы увидели ворон.

Юрка не расставался со своим биноклем, и мы рассмотрели – это точно было семейство Кра и Мартины. В этот жаркий солнечный день вороны повели детей на пляж купаться. Воронята бесстрашно лезли на мелководье за родителями, трепыхались, разбрасывая во все стороны брызги, и покаркивали от удовольствия. А потом Кра и Мартина выгнали их на травку сушиться.

В бинокль было хорошо видно двоих взрослых и четверых малышей, которые уже так выросли, что отличить их можно было только по коротким чёрным галстучкам, намного короче, чем манишки у взрослых птиц.

Похоже, сегодня был банный день у всех ворон в округе. Когда мы шли обратно, увидели на деревьях в парке грандиозный вороний слёт. Видимо, вороны, хорошенько накупавшись, собрались компанией, чтобы обсудить политическую напряжённость

в мире. Они облепили все ветки, встряхивали крыльями и орали на весь парк. Со всех сторон к ним слетались опоздавшие.



Всё лето мы с Юрой занимались математикой. Когда вернулась Татьяна Ивановна, она разрешила нам заниматься у неё, как мы привыкли. Только подсовывала нам на тарелочке виноград и вкусные белые черешни. Маленький внук её совсем-совсем поправился, и Татьяна Ивановна была в прекрасном настроении.

– Догнал по всем показателям сверстников! – говорила она с гордостью. – Педиатр сказала, что скоро перегонит!

Мы проштудировали почти все листочки Надежды Анатольевны. Мне стало всё легче запоминать, и лучше решались задачи. На пропорциях я немного застряла, и Юрка вернулся к нашим воронам.

– Значит, так, – сказал он. – Сколько процентов занимает вес вороны от веса кошки? Пусть x – это ворона, видишь, крылья растопырила. А y – это кошка с хвостом. Кошка – 100 %, ворона – неизвестно сколько, надо узнать. Записываем:

$$\begin{array}{l} y - 100 \\ x - ? \end{array}$$

Теперь ворона улетает на ветку и умножается на сто, а кошка прячется под веткой, и всё это на неё делится:

$$\frac{x \times 100}{y}$$

Это и будет количество процентов. Понятно?

Удивительное дело, но так я запомнила. Отсюда-туда, умножить, оттуда-сюда и поделить!

– А теперь посчитай. Пусть кошка весит пять килограммов, то есть пять тысяч граммов, ворона сколько? Пусть будет четыреста граммов. А ну-ка.



Я посчитала. Всего-то? Такая ворона маленькая по отношению к кошке...

А наши маленькие воронята росли как на дрожжах. Интересно было наблюдать, как ведут себя воронки-подростки. Они толпой бегали за родителями с карканьем, иногда кому-нибудь удавалось получить что-то из маминого или папиного клюва. Один, самый шустрый, выхватил у Кра из-под носа большой кусок говяжьего сердца и потащил братьям хвастаться. Показал, придерживая лапой, чтобы не отобрали, а что с ним ещё можно сделать, не придумал. Слишком большой был кусок. Так и бегал по лужайке с мясом в клюве, задрав голову, чтобы не споткнуться об него.



Воронята гонялись за ним. От восторга время от времени подпрыгивали, помогая себе крыльями. Потом заскочили на горочку, поросшую стриженной молодой травкой. И вдруг один птенец повалился на спину вверх лапами. Я сначала так испугалась – вдруг с ним что-то случилось? Воронёнок покатился с горки, переворачиваясь с боку на бок. Скатился вниз, вскочил и снова наверх попрыгал. И снова скатился. Впервые в жизни я увидела, как катаются вороны.



К самостоятельности Кра приучал детей так: бегал воронёнок за папой с раскрытым клювом, орал, а папа его уже не кормил. Набивал полный рот каши – и дёру. Отбегал недалеко, демонстративно закапывал еду под корягу и ждал. Смотрел, что будет делать его ребёнок-подросток. Один воронёнок подошёл к закопанному вкусному кусочку и начал на него каркать, просить, чтобы он сам в клюв запрыгнул. Умора!



Глава пятнадцатая

И вот настал тот самый день. Двадцать восьмое августа, день моей решающей контрольной. Когда я отправилась в школу, мама догнала меня у лифта, сунула мне в карман шоколадку со словами:

– Там много флавонола. Он стимулирует мозговую деятельность.

И поцеловала меня в лоб сухими от волнения губами. Я подумала, что она так переживает, что уже заговаривается.

В школе повесили расписание уроков, украсили вход цветами и флажками, всё было готово к началу учебного года. Только у меня одной прошлый учебный год ещё не закончился.

Боялась я ужасно. Мне казалось, что я всё забуду. Что под строгими взглядами учительской комиссии у меня выдует из головы всё, что я помнила и на-решала за лето с Юркой.

На ватных ногах я вошла в класс. За сдвинутыми столами сидела комиссия. Завуч, учительница русского языка и литературы, математичка из параллельного класса и Казимира.

Казимира ободряюще улыбнулась, попросила мой мобильник и закрыла его в ящике стола на ключик. Потом выдала четыре листочка с фиолетовым штемпелем школы: два для черновика и два для контрольной, и листок с заданиями.

Я села за парту в пустом классе и затряслась мелкой дрожью. Потом посмотрела в окно. На ветке качалась смешная, пёстрая, будто мелированная, галка. Я вспомнила, что это называется «частичный лейкоизм», когда не все пёрышки окрашиваются в нужный цвет и появляются белые пятнышки. И стала читать



первое задание. Числа и буквы меня в тоску не во-
гнали. Для меня это были уже не голые сухие значки,
а будто живые существа.

Первая задача. Найти корень уравнения. Икс – это
ворона. Сидит, крылья раскрыла, совсем как Кра, когда
меня приветствует с ветки. Я нарисовала большой икс,
пририсовала ему воронью голову с большим клювом,
хвостик веером и лапки. Хорошо, что это был черновик!

Так. Это Кра. Мне нужно его спасти. Нужно обяза-
тельно найти его число, а то Кра съедят кошки, детки
останутся сиротами, а Мартина будет жалобно каркать:
«Кря-а-а? Ты где?» И я, забыв о страхе, принялась
за спасательные работы.

Я решила все десять заданий. Но не была увере-
на, правильно сделала или нет. Я так часто раньше
ошибалась в классе, что боялась ошибиться снова.

Время вышло, и я понесла на учительский стол исписанные листочки. Вместе с черновиками и нарисованным Кра. Наверное, я очень бледно выглядела, потому что Казимира посмотрела на меня и сказала:

– Если ты подождёшь пятнадцать минут, мы проверим и я скажу тебе оценку.

Я молча кивнула и осталась ждать за дверью.

Домой я шла как в тумане. Я не помнила, как села в автобус, как из него вышла. Только на дорожке у самого дома очнулась, когда на меня налетел Юра.

– Ну что? Написала?

– Написала.

– И сколько? Ну?

Я посмотрела в его сердитые глаза и глупо ухмыльнулась.

– Ты не согласишься. Пять.

Юрка не сказал своё коронное: «Что, правда, что ли?» Он сразу поверил. Он подпрыгнул и хлопнул меня по плечу. Сильно, даже больно немного. Вот дурак какой! Но я совсем не обиделась.

– Юрка! – сказала я. – Это моя первая пятёрка по математике за всю школу. С самого первого класса!

Я позвонила маме, прокричала в мобильник:

– Пять! Не волнуйся, я приду позже, я пошла считать ворон!

И мы побежали с Юркой искать Кра, Мартину и их четверых воронят.



Содержание

Стриж по имени Сковородка 3

Кра и Мартина 53



Литературно-художественное издание
для младшего и среднего школьного возраста

Людмила Одинцова

Я считаю ворон

Две истории из жизни птиц и людей

Ведущий редактор *М. А. Тонконогова*
Художественный редактор *Е. М. Володькина*
Технический редактор *Н. А. Кромплас*
Компьютерная верстка *Е. В. Фроловой*
Корректоры: *С. Н. Шемяк, М. В. Серебрянцева*

Подписано в печать 26.10.2019. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Myriad Pro. Усл. печ. л. 9,03.
Тираж 4000 экз. Изд. № 1714. Заказ О-2833.

В соответствии с ФЗ № 436 от 29.12.2010 маркируется знаком 6+.



АО «ЭНАС-КНИГА».
115114, Москва, Дербеневская наб., 11.
Тел. (495) 913-66-30. E-mail: sekr@enas.ru
<http://www.enas.ru>

facebook.com/enas.kniga
instagram.com/enas.kniga
vk.com/enas.kniga
ok.ru/enas.kniga

ЕНА

Отпечатано в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА» «ПИК "Идел-Пресс"»
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

Larisa_F

